

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

ПЕСНОСЛОВ

КНИГА ВТОРАЯ

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
ПЕТРОГРАД • 1919

15-я Государственная типография
Питр. Звенигородская, 11.

СЕРДЦЕ ЕДИНОРОГА

ИЗБЯНЫЕ ПЕСНИ.

Памяти матери.

Четыре вдовицы к усопшей пришли...
(Крича бороздили лазурь журавли,
Сентябрь-скопидом в котловин сундуки
С сынком-листодером ссыпал медяки).

Четыре вдовы в поминальных платках,
Та с гребнем, та с пеплом, с рядниной в руках,
Пришли, положили поклон до земли,
Опосле с ковригою печь обошли,
Чтоб печка-лебедка бела и тепла,
Как допреж, сытовые хлебы пекла.

Посыпали пеплом на куричий хвост,
Чтоб немочь ушла, как мертвец, на погост,
Хрущатой рядниной покрыли скамью, —
На одр положили родитель мою...

Как ель под пилою, вздохнула изба,
В углу зашептала тень гурьба,
В хлевушке замукал сохатый телок,
И вздулся, как парус, на грядке платок;—
Дохнуло молчанье... Одни журавли,
Как витязь победу, трубили вдали:

„Мы матери душу несем за моря,
Где солнцеву зыбку качает заря,
Где в красном покое дубовы столы,
От мис с киселем, словно кипень белы,—
Там Митрий Солунский, с Миколою Влас
Святых обряжают в камлот и атлас,
Креститель-Иван с ендовы расписной
Их поит живой Иорданской водой!..“

Зарделось оконце... Закат золотарь
Шасть в избу незванный,— принес-де стихарь—
Умершей обнову, за песни в бору,
За думы в рассветки, за сказ ввечеру,
А вынос блюсти я с собой приведу
Сутемки, зарянку и внучку-звезду,
Скупцу ж листодеру чрез мокреть и гать
Велю золотые ширинки постлать“.

Лежанка ждет кота, пузан-горшок хозяйку, —
Объявятся они, как в солнечную старь,
Мурлыке будет блин, а печку-многознайку
Насытят щаный пар и гречневая гарь.

В окне забрезжит луч — волхвующая сказка,
И вербой расцветет ласкающий уют,
Запечных бесенят хихиканье и пляска,
Как в заморозки ключ, испуганно замрут.

Увы, напрасен сон. Кудахчет тщетно рябка,
Что крошек нет в zobу, что сумрак так уныл, —
Хозяйка в небесах, с мурлыки сшита шапка,
Чтоб дедовских седи́н буран не леденил.

Лишь в предрассветный час, лесной, снотвор-
ной влагой,
На избяную тварь нисходит угомон,
Как будто нет Судьбы, и про блины с котягой,
Блюды печной дозор, шушукает заслон.

Осиротела печь, заплаканный горшок
С таганом шепчутся, что умерла хозяйка,
А за окном чета доверчивых сорок
Стрекочет: „близок май, про то, дружок,
узнай-ка!

Узнай, что сныгири в лесу справляют свадьбу,
У дятла-кузнеца облез от стука зуб,
Что вверивши жуку подземную усадьбу
На солнце вылез крот — угрюмый рудокоп,

Что тянут журавли, что проболталась галка
Воришке-воробью про первое яйцо“...
Изождалась бадья, вихрастая мочалка
Тоскует, что давно не моется крыльцо.

Теперь бы плеск воды с веселою уборкой,
В окне кудель лучей и сказка без конца...
За печкой домовой твердит скороговоркой
О том, как тих погост для нового жильца,

Как шепчутся кресты о вечном, безымянном,
Чем сумерк паперти баюкает мечту.
Насупилась изба. И оком оловянным
Уставилось окно в капель и темноту.

* * *

„Умерла мама*—два шелестных слова.
Умер подойник с чумазым горшком,
Плачется кот и понура корова,
Смерть постигая звериным умом:

Кто она? Колокол в сумерках пегих,
Дух живодерни, ведун-коновал,
Иль на грохочущих пенных телегах,
К берегу жизни примчавшийся шквал?

— Знает лишь маковка ветхой церквушки,—
В ней поселилась хозяйки душа...
Данью поминною — рябка в клетушке,
Прочит яичко, соломой шурша.

В пестрой укладке повойник и бусы,
Свадьбою грезят: „годов пятьдесят
Бог насчитал, как жених черноусый
Выменял нас—молодуге в наряд“.

Время, как шашель, в углу, и за печкой,
Дерево жизни буравит, сосет...
В звезды конек и в потемки крылечко
Смотрят и шепчут: „вернется... придет“...

Плачет каплями вечер соловый;
Крот в подземельи и дятел в дупле...
С рябкиной дремою, ангел пуховый
Сядет за прялку, в кауровой мгле.

„Мама в раю,— запост веретенце,
Нянюшкой светлой младенцу-Христу“...
Как бы в стихи, золотые, как солнце,
Впрямь волхвованье и песенку ту?

Строки и буквы — лесные коряги,
Ими не вышить желанный узор...
Есть, как в могилах, душа у бумаги —
Алчущим перьям глубинный укор. •

* * *

Шесток для кота, что амбар для попа,
К нему не заглохнет кошачья тропа;
Зола, как перина, — лежи, почивай, —
Приснятся снетки, просяной каравай.

У матери-печи одно на уме:
Теплынь убережь, да всхрапнуть в полутьме;
Недаром в глухой, свечеревшей избе,
Как парусу в ведро, дремотно тебе.

Ой, вороны-сны, у невесты моей
Не выклевать вам беспотемных очей!
Летите к мурлыке на теплый шесток,
Куда не заглянет прожорливый рок,

Где странники-годы почили золой,
И бесперечь хнычет горбун-домовой:
Ужели плакида — запечный жилец
Почуял разлуку и сказки конец?

Кота ж лежебока будите скорей,
Чтоб был на стороже у чутких дверей,
Мяукал бы злобно и хвост распушил,
На смерть трясогузую когти острил.

Весь день поучатся правде Твоей,
Как вешнюю озимь ждать светлых гостей,
В раю избяном, и в затишьи гумна
Поплакать медово, что будет „она“.

Задремлется деду, лучина замрет, —
Бесплотная гостья в светелку войдет,
Поклонится Спасу, погладит внучат,
Как травка лучу улыбнется на плат:

Висит, дескать, сырый, хозяйке взамен
Повыкован венчик из облачных пен:
Очелье — алмаз, по бокам изумруд —
Трех отроков пещных и ангелов труд.

Петух кукарекает, забрезжит светец,
В дверях засияет Медостов венец;
Пречудный святитель войдет с посошком,
В пастушьих лапотцах, повитый лучом.

За ним, умеряючи крыл паруса,
Предстанет Иван—грозовая краса;
Он с чашей крестильной, и голубь над ним...
Всю ночь поучаюсь я тайнам Твоим.

Заутра у бурой полнее удой,
У рябки яичко, и весел гнедой.
А там, где святые росю прошли,
С курлыканьем звонким снуют журавли:

Чтоб сизые крылья и клюв укрепить,
Им надо росы благодатной испить.

* * *
Хорошо в вечеру, при лампадке,
Погрустить и поплакать втишок,
Из резной, низколобой укладки
Недовязанный вынуть чулок.

Ненаедою-гостем за кружкой
Усадить на лежанку кота,
И следить, как лучи над опушкой
Догорают виденьем креста,

Как бредет позад дремлющих гумен,
Оступаясь, лохмотница-мгла...
Всё по старому: дед, как игумен,
Спит лахань и притихла метла.

Лишь чулок, как на отмели верши,
И с котом раздружился клубок.
Есть примета: где милый умерший,
Там пустует кольцо, иль чулок,

Там божничные сумерки строже.
Дед безмолвен, провидя судьбу,
Глубже взор и морщины... О, Боже —
Завтра год, как родная в гробу!

* * *
Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных,
Износило лапчатый золотой стихарь :
Не бежит ли красное от людей разбойных,
Не от злых ли кроется в сутемень да в марь.

Али корба хвойная с бубенцами шишек,
С рушниками-зорями просини милей,
Красики с волвянками слаще звездных пышек
И громов размычливей гомон журавлей?

Эво, на валежине, словно угли в жарнике,
Половеет лапчатый золотой стихарь...
Потянули за море витлюки-комарники,
Нижет перелесица бляжки, да янтарь.

Сядь, моя жадобная, в сарафане сборчатом,
В камчатом накоснике за послушный лен,—
Постучится солнышко под оконцем створчатым
Шлет-де вестку матушка с Тутюшних сторон:

Мы в ответ: радехоньки говорю то-светному,
Ходоку от маминой праведной души,
Здынься по крылечику к жарнику приветному,
От росы, да мокрети лапти обсуши!

Полыхнувши золотом, прянет гость в предыз-
бицу,
Краснобайной сказкою пряху улестит...
Как игумен в куколе, вечер, взяв кадильницу,
Складню роц финифтяных ладаном кадит.

В домовище матушка... Пасмурной округою
Водит мглу незрячую поводырка-жуть,
И в рогожном кузове, словно поп за ругою,
В Сторону то-светную солнце правит путь.

От сутепок до звезд, и от звезд до зари
Бель бересты, зыбь хвой и смолы янтари,

Переключка гагар, вод дремучая дремь,
И в избе, как в дупле, рудо-пегая темь,

От ловушек и шкур лисий таежный дух,
За оконцем туман, словно гагачий пух,

Журавлиный пролет, ропот ливня вдали,
Над поморьем лесов облаков корабли,

Над избою кресты благосенных вершин...
Спят в земле дед и мать, я в потемках один.

Чую сеть на стене, самопрялка в углу,
Как совыта с гнезда, загляделись во мглу.

Сиротеют в укладе шушун и платок,
И на отмели правит поминки челнок,

Ель гнусавит псалом: „яко воск от огня“...
Далеко до лесного железного дня,

Когда бор, как кольчужник, доспехом гремит—
Королеви-Зарю полонить норовит.

* * *

Бродит темень по избе,
Спотыкается спросонок,
Балалайкою в трубе
Заливается бесенок:

Трынть, да брынть, да тере-рень...
Чу! Заутренние звоны!
Богородицына тень,
Просияв, сошла с иконы.

В дымовище сгинул бес,
Печь, как старица, вздохнула;
За окном бугор и лес
Зорька в сыту окунула.

Там, минуючи зарю,
Ширь безвестных плоскогорий,
Одолеть судьбу-змею
Скачет пламенный Егорий.

На задворки вышел Влас
С вербой, в венчике сусальном...
Золотой, воскресный час,
Просиявший в безначальном.

Зима изгрызла бок у стога,
Вспорола скирды, но вдомак
Буренке пегая дорога
И грай нахохленных сорок.

Сороки хохлятся — к капели,
Дорога пегая — быть теплу.
Как лещь наживку, ловят ели
Луча янтарную иглу.

И луч бежит в переполохе,
Ныряет в хвои, в зыбь ветвей...
По вечерам коровьи вздохи
Спотворней бабкиных речей:

„К весне пошло, на речке глыбко.
Буренка чует водополь“...
Изба дремлива, словно зыбка,
Где смолкли горести и боль.

Лишь в поставце, как скряга злато,
Теленье числа и удои,
Подойник с кринкою щербатой
Тревожат сумрак избяной.

* * *

В селе Красный Волок пригожий народ,
Лебедушки девки, а парни, как мед,
В моленных рубахах, в беленых портах,
С малиновой речью на крепких губах;

Старухи в долгушках, а деды — стога,
Их рассказы внукам милей пирога:
Вспушатся усищи, и киноварь слов
Выводит узоры пестрей теремов.

Моленна в селе — семискатный навес:
До горнего неба семь нижних небес,
Ступенчаты крыльца, что час, то ступень,
Всех двадцать четыре — заутренний день.

Рундук запорожний — пречудный Фавор,
Где плоть убелится, как пена озер,
Бревенчатый короб — утроба кита,
Где спасся Иона двуперстьем креста.

Озерная схи́ма и куколь лесов
Хоронят село от людских голосов.
По Пятничным зорям, на хартии вод,
Всевышние притчи читает народ:

„Сладчайшего Гостя готовьтесь принять!
Грядет Он в ночи, яко скимен и тать;
Будь парнем женатый, а парень, как дед“...
Полощется в озере маковый свет,
В пеганые глуби уходит столбом
До сердца земного, где праотцов дом.

Там, в саванах бледных, соборы отцов
Ждут радужных чаек с родных берегов:
Летят они с вестью, судьбы бирючи,
Что попрана Бездна и Ада ключи.

* * *

Коврига свежа и духмяна,
Как росная пожня в лесу,
Пушист у кормилицы мякиш,
И бел, как бересто, испод.

Она — избяное светило,
Лучистее детских кудрей:
В чулан загляни ненароком —
В лицо тебе солнцем пахнет.

И в час, когда сумерки вяжут,
Как бабка, косматый чулок,
И хочется маленькой Маше
Сытового хлебца поестъ —

В ржаном золотистом сияньи
Коврига лежит на столе,
Ножу лепеча: „я готова
Себя на закланье принестъ“.

Кусок у малютки в подоле —
В затоне рыбачий карбас:
Поломана мачта, пучиной
Изгрызены днище и руль, —

Но светлая радость спасенья,
Прибрежная тишь после бурь,
Зареют в ребяческих глазках,
Как ведренный, синий Июль.

* * *

Вешние капли, солнцёк и хмара,
На соловом плёсе первая гагара,

Дух хвои, бересты, проглянувший щербень,
Темью сонь-липуша, рассказы да гребень.

Тихий, мерный ужин, для ночлега лавка,
За оконцем месяц — Божья камилавка,

Сон сладимей сбитня, петухи с просонок,
В зыбке снигиренком пискинувший ребенок,

Над избой сутемки — дедовская шапка,
И в углу божничном с лестовкою бабка,

От печного дыма ладан пуц сладимый,
Молвь отшельниц-елей „иже херувимы“...

Вновь капелей бусы, солнопёка складень,
Дум-гагар пролетных не исчислить за день.

Пни—лесные деды, в дуплах гуд осиный,
И от лыж пролужья на тропе лосиной.

* * *
Ворон грает к теплу, а сорока к гостям,
Ель на полдень шумит — к звероловным
вестям.

Если полоз скрипит, конь ушами прыдет —
Будет в торге урон и в кисе недочет.

Если прыскает кот и зачесется нос —
У зазнобы рукав полиняет от слез.

А над рябью озер прокричит дребезда —
Полонит рыбака душегубка-вода.

Дятел угол долбит — загорится изба,
Доведет до разбоя детину гульба.

Если девичий лапоть ветшает с пяты, —
Не доесть и блина, как наедут сваты.

При запалке ружья в уши кинется шум—
Не выглаживай лыж, будешь лешему кум.

Семь примет к мертвецу, но про них не
теперь,—

У лесного жилья заминена дверь,

Под порогом зарыт „Богородицын Сон“,—
От беды-худобы нас помилует он.

БЕЛАЯ ПОВЕСТЬ.

Памяти матери.

То было лет двадцать назад,
И столько же зим, листопадов,
Четыре морщины на лбу,
И сизая стежка на шее —
Невесты-петли поцелуй.
Закроешь глаза, и Оно
Родимую рябкой кудахчет,
Морщинистым древним сучком
С обиженной матицы смотрит,
Метлою в прозябшем углу
На пальцы ветловые дует.

Оно не микроб, не Толстой,
Ни Врубеля мозг ледовитый,
Но в победья час мировой,
Когда мои хлебы пекутся,
И печка мурлычет, пьяна

Хозяйской, бобыльною лаской, —
В печурке созвездья встают,
Поет Вифлиемское небо,
И Мать пеленает меня —
Предвечность в убогий свивальник.

Оно нарастает, как в темь
Измученный, дальний бубенчик,
Ныряет в укладку, в платок,
Что сердцу святее иконы,
И там серебрит купола,
Сплетает захватистый невод,
Чтоб выловить камбалу-душу,
И к груди сынишком прижать,
В лесную часовню повесть,
Где Боженька книгу читает,
И небо в окно подает
Лучистых зайчат и свистульку.
Потом черноусьем идти,
Как пальчику в бороду тятке,
В пригоршне зайченка неся —
Часовенный, жгучий гостинец.

Есть остров — Великий Четверг
С изюмною, лакомою елью,
Где Ангел в кутейном дупле
Поет золотые амни, —
Туда меня кличет Оно
Воркующим, бархатным громом,

От Ангела перышко дать.
Сулит — щекотать за кудряшкой,
Чтоб Дедушка - Сон бородой
Согрел дорогие колешки.

Есть град с восковою стеной,
С палатой из титя и заставок,
Где вдовы Ресницы живут
С привратницей - Родинкой доброй,
Где коврик моленный расшит
Субботней страстною иглой,
Туда меня кличет Оно
Куличевым, сдобным трезвоном
Христом разговеться и всласть
Наслушаться вешних касаток,
Что в сердце слепили гнездо
Из ангельских звонких пушинок.

То было лет десять назад,
И столько же весен простудных,
Когда, словно пух на губе,
Подснежная лоснилась озимь,
И Месяц — плясун водяной
Под ольхами правил мальчишник,
В избе, под распятем окна
За прялкой Предвечность сидела,
Вселенскую душу и мозг
В певучую нить выпрядая.
И Тот, кто во мне по ночам

О печень рогатину точит,
Стучится в лобок, как в притон,
Где Блуд и Чума потаскуха,
К Предвечности Солнце подвел
Для жизни в лучах белокурых,
Для зыбки в углу избяном,
Где мозг мирозданья прядется. —
Туда меня кличет Оно
Пророческим шелестом пряжи,
Лучем за распятем окна,
Старушей блаженной слезинкой,
Сулится кольцом подарить
С бездонною брачной подушкой,
Где остров — ржаное гумно
Снопам, как золотом, полон.
И в каждом снопе аромат
Младенческой яблочной пятки,
В соломе же вкус водяной
И шелест крестильного плата...

То было сегодня... Вчера...
Назад миллионы столетий, —
Не скажут ни святцы, ни стук
Височной кровавой толкуши,
Где мерно глухие песты
О темя Земли ударяют, —
В избу Бледный Конь прискакал,
И свежестью горной вершины
Пахнуло от гривы на печь, —

И печка в чертог обратилась:
Печурки — пролеты столпов,
А устье — врата огневые,
Конь лавку копытом задел,
И дерево стало дорогой,
Путем меж алмазных полей,
Трубящих и теплящих очи,
И каждое око есть мир,
Сплав жизней и душ отошедших,
„Изыди“ — воззвали Миры,
И вышло Оно на дорогу...

В миры меня кличет Оно
Нагорным пустынным сияньем,
Свежительной гривой дождя
С сыновних ресниц отряхает.
И слезные ливни, как сеть,
Я в памяти глубь погружаю,
Но вновь неудачлив улов,
Как хлеб, что пеку я без Мамы, —
Мучнист стихотворный испод,
И соль на губах от созвучий,
Знать в замысла ярый раствор
Скатилась слеза дождевая.

ДОЛИНА ЕДИНОРОГА

БЕЛАЯ ИНДИЯ.

На дне всех миров, океанов и гор
Хоронится сказка — алмазный узор, —
Земли талисман, что Всевышний носил
И в Глуби Глубин, наклонясь, обронил.
За ладонкой павий летал Гавриил
И тьмы громокрылых взыскующих сил, —
Обшарили адский кромешный сундук,
И в Смерть открывали убийственный люк,
У Времени - скряги искали в часах,
У Месяца в ухе, у Солнца в зубах;
Увы! Схоронился „в нигде“ талисман,
Как Господа сердце — немолчный таран!..

Земля — Саваофовых брашен кроха,
Где люди ютятся среди терний и мха,
Нашла потеряжку и в косу вплела,
И стало Безвестное — Жизнью Села.

Земная морщина — пригорков мозоли,
За потною пашней — дубленое поле,
За полем лесок, словно зубья гребней, —

Запуталась тучка меж рябых ветвей,
И небо — Микулов бороздчатый глаз
Смежает ресницы — потемочный сказ;
Реснитчатый пух на деревню ползет —
Загадок и тайн золотой приворот.
Повыйди в потемки из хмарой избы —
И вступишь в поморье Господней губы,
Увидишь Предвечность — коровой она
Уснула в пучине, не ведая дня.
Там ветер молочный поет петухом,
И Жалость мирская маячит конем,
У Жалости в гриве овечий ночлег,
Куриная пристань и отдых телег:
Сократ и Будда, Зороастр и Толстой,
Как жилы, стучатся в тележный покой.
Впусти их раздумьем — и въявь обретешь
Ковригу Вселенной и Месячный Нож —
Нарушай ломтей, и Мирская душа
Из мякиша выйдет, крылами шурша.
Таинственный ужин разделите вы,
Лишь Смерти не кличьте — печальной вдовы...

В потемки деревня — Христова брада,
Я в ней заблудиться готов навсегда,
В живом чернолесьи костер разложить
И дикое сердце, как угря, варить,
Плясать на углях, и себя по кускам
Зарыть под золою в поминок векам,
Чтоб Ястребу-духу досталась мета —

Как перепел алый, Христовы уста!
В них тридцать три зуба — жемчужных горы,
Язык — вертоград, железа же — юры,
Где слюнные лоси, с крестом меж рогов,
Пасутся по взгорьям иссопных лугов...

Ночная деревня — преддверие Уст...
Горбатый овин и ощеренный куст
Насельников чудных, как струны, полны...
Свершатся ль, Господь, огнепальные сны!
И морем сермяжным, к печным берегам
Грома - корабли приведет ли Адам,
Чтоб лапоть мозольный, чумазый горшок
Востеплили очи — живой огонек,
И бабка Маланья, всем ранам сестра,
Повышла бы в поле ясней серебра
Навстречу Престолам, Началам, Властям,
Взывающим солицам и трубным мирам!..

О, ладонка Божья — вселенский рычаг,
Тебя повернет не железный Варяг,
Не сводня - перо, не сова - звездочет —
Пяту золотую повыглядел кот,
Колдунья-печурка, на матице сук!..
К ушам прикормить бы зиждительный Звук,
Что вяжет, как нитью, слезинку с луной
И скрип колыбели — с пучиной морской,
Возжечь бы ладони — две павьих звезды,
И Звук зачерпнуть, как пригоршню воды,

В трепещущий гром, как в стерляжий садок,
Уста окунуть, и причастьем молок
Насытиться всласть, миллионы веков
Губы не срывая от звездных ковшов!..

На дне всех миров, океанов и гор
Цветет, как душа, адамантовый бор, —
Дорога к нему с Соловков на Тибет,
Чрез сердце избы, где кончается свет,
Где бабкина пряжа — пришельцу веха:
Нырни в веретенце, и нитка - леха
Тебя поведет в Золотую Орду,
Где Ангелы варят из радуг еду, —
То вещей раздумий и слов пастухи,
Они за таганом слагают стихи,
И путнику в уши, как в овчий загон,
Сгоняют отары — волхвующий звон.
Но мимо тропа, до кудельной спицы,
Где в край „Невозвратное“ скачут гонцы,
Чтоб юность догнать, душегубную бровь...
Нам к бору незримому посох - любовь,
Да смертная свечка, что пахарь в перстах
Держал предкончиной, — вней сладостный страх
Низринуться в смоль, в адамантовый гул...
Я первенец Киса, свирельный Саул,
Искал пегоухих отцовских ослиц
И царство нашел многоценней златниц:
Оно за печуркой, под рябым горшком,
Столетия мерит хрустальным сверчком.

Судьба-старуха нижет дни,
Как зерна бус — на нить:
Мелькнет игла — и вот они,
Кому глаза смежить.

Блеснет игла — опять черед
Любить, цветы срывать...
Не долгодень, и краток год
Нетленное создать.

Всё прах и дым. Но есть в веках
Богорожденный час,
Он в сердобольных деревнях
Зовется Светлый Спас.

Не потому ль родимых сел
Смиренномудрен вид,
Что жизнедательный глагол
Им явственно звучит,

Что небо теплит им огни,
И Дева-благодать,
Как тихий лен, спрядает дни,
Чтоб вечное соткать?

* * *

Рыжее живье — как книга,
Борозды — древняя вязь,
Мыслит начетчица-рига,
Светлым реченьям дивясь.

Пот трудолюбца Июля,
Сказку кряжистой избы, —
Все начертала косуля
В книге народной судьбы.

Полно скорбеть, человече,
Счастье дается в черед!
Тучку — клуб шерсти овечьей
Лешева бабка прядет.

Ветром гудит веретнице,
Маревом тянется нить:
Время в глубоком мочище
Лен с конопелью мочить.

Изморозь стелет рогожи,
Зябнет калины кора:
Выдубить белые кожи
Деду приспела пора.

Зыбку, с чепцом одеяльце
Прочит болезная мать, —
Знай, что кудрявому мальцу
Тяжкой по осени стать.

Что начертала косуля,
Всё оборотится в быль...
Эх-ма! Лебедка Акуля,
Слой: „не шуми чернобыль!“

* * *

Так немного нужно человеку:
Корова, да грядка луку,
Да слезинка в светлую поруку,
Что пробьет кончина злomu веку.

Что буренка станет львом крылатым,
Лук же деревом, чьи плоды кометы...
Есть живые, вещие приметы,
Что пройдет Господь по нашим хатам:—

От оконца тень крестообразна,
Задремала тайна половицей,
И душа лугов парит орлицей
От росы свежительно-алмазна.

Приходи Жених дориносимый,—
Чиста скатерть, прибрана светелка!..
Есть в хлевушке, в сумерках проселка,
Золотые Китежи и Римы.

Уврачуите черные увечья,
О, святые грады, в слезном храме!..
У коровы дума человечья,
Что прозябнет луковка громами.

---

* * *

Вылез тулуп из чулана
С летних просонок горбат:
Я у татарского хана
Был из наряда в наряд.

Полю мои из Бухары,
Род растягайный ведут,
Пазухи — пламя Сахары
В русскую стужу несут.

Помнит моя подоплека
Желтый Кашмир и Тибет,
В шкуре овечьей востока
Теплится жертвенный свет.

Мир вам, Ипат и Ненила,
Печь с черномазым горшком!
Плеск звездотечного Нила
В шорохе слышен моем.

Я — лежебок из чулана
В избу зазимки принес...
Нилу, седым океанам,
Устье — запечный Христос.

Кто несказанное чаёт,
Веря в тулупную мглу,
Тот наяву обретает
Индию в красном углу.

* * *

Печные прибои пьянящи и гулки,
В рассветки, в косматый потемочный час,
Как будто из тонкой, серебряной тулки
В ковши звонкогорлые цедится квас.

В полях маята, многорукая жатва,
Соленая жажда, и оводный пот. —
Квасных переплесков свежительно дратва,
В них раковин влага, кувшинковый мед.

И мнится за печью седое поморье,
Гусиные дали, и просырь мерез.
А дед запекает о Храбром Егорьи,
Склонив над иглой солодовую плешь.

Неспора починка, и стег неуклюжий,
Да море незримое нудит иглу:
То Индия наша, таинственный ужин —
Звенящий потирами в красном углу.

Печные прибои баюкают сушу,
Смывая обиды и горестей след...
„В раю упокой Поликарпову душу“,
С лучем незабудковым шепчется дед.

Под древними избами, в красном углу,
Находят распяты, алтын и иглу —
Мужицкие Веды: мы распяты все,
На жернове мельник, косарь на косе,
И куплены медью из оси земной,
Расшиты же звездно Господней иглой.
Мы — кречетов стая, жар-птицы, орлы,
Нам явственны бури и вздохи метлы: —
В метле есть душа — деревянный божок,
А в буре Илья — громогласный пророк...
У Божьей иглы не измерить ушка,
Мелькает лишь нить — огневая река...
Есть пламенный лев, он в мужицких кресцах,
И рык его чуется в ярых родах,
Когда роженичный, заклятый пузырь
Мечем рассекает дитя-богатырь...
Есть черные дни — перелет воронят,
То Бог за шитьем оглянулся назад —
И в душу народа вонзилась игла...

Нас манят в зенит городов купола,
В коврижных поморьях звенящий баркас
Сулится отплыть в горностаевый сказ,
И нож семьянина, ковригу деля,
Как вал ударяет о грудь корабля.
Ломоть черносошный,— то парус, то руль,
Но зубы, как чайки у Степ и Акуль,—
Слетятся к обломкам и правят пиры...
Мы сеем и жнем до урочной поры,
Пока не привел к пестрядным берегам
Крылатых баркасов нетленный Адам.

Потные, предпахотные думы
На задворках бродят, гомонят...
Вечеру застольный, щаный сад
Множит сны — берестяные шумы.

Завтра ведро... Солишко впряглось
В золотую, жертвенную соху.
За оконцем гряд парному вздоху
Вторит темень — пегоухий лось.

Господи, хоть раз бы довелось
Видеть лик Твой, а не звездный коготь!
Мировое сердце — черный деготь
С каплей пота устьями слилось. —

И глядеться в океан алмазный
Наша радость, крепость и покой.
Божью помощь в поле, за сохой
Нам вещает муж благообразный.

Он приходит с белых полуден,
Весь в очах, как луг в медовой кашке...
Привкус моря в пахотной рубашке,
И в лаптях мозольных пенный звон,

Щаный сад весь в гнездах дум грачиных,
Древо Зла лишь призрачно голо.
И, как ясно-задремавшее стекло,
Жизнь и Смерть на папертях овинных.

Пушистые горностаевые зимы,
И осени глубокие, как схи́ма.
На палатях трезво уловимы
Звезд гармошки и полет серафима.

Он повадился телке недужной
Приносить на копыто пластырь —
Всей хлевушки поводырь и пастырь
В ризе непорочно-жемчужной.

Телка ж бурая, с добрым носом,
И с молочным, младенческим взором...
Кружит врачеватель альбатросом
Над избой, над лысым косягором.

В теле буйство вешних перелесков:
Под ногтями птахи гнезда вьют,
В алой пене от сердечных плесков
Осетры янтарные спуют.

И на пупе, как на гребне хаты,
Белый аист, словно в свитке пан.
На рубахе же оазисы-заплаты,
Где опалый финик и шафран.

Где араб в шатре чернотканном,
Русских звезд познав глубину,
Славит думой, говором гортанным,
Пестрядную, светлую страну.

* * *

О, ели, родимые ели, —
Раздумий и ран колыбели,
Пир брачный и памятник мой,
На вашей коре отпечатки,
От губ моих жизнью зачатки,
Стихов недомысленный рой.

Вы грели меня и питали,
И клятвой великой связали —
Любить Тишину-Богомать.
Я верен лесному обету,
Баюкаю сердце: не сетуй,
Что жизнь, как болотная гать.

Что умерли юность и мама,
И ветер расхлябаной рамой,
Как гроб забивают, стучит,
Что скуден заплаканный ужин,
И стих мой под бурей простужен,
Как осенью листья раки —

В нем сизо-багряные жилки
Запекшейся крови; — подпилки
И критик ее не сотрут.
Пусть давят томов Гималаи, —
Ракиты рыдают о рае,
Где вечен листвы изумруд.

Пусть стол мой и лавка-кривуша —
Умершего дерева души
Не видят ни гостя, ни чаш. —
Об Индии в русской светелке,
Где все разноеверья и толки
Поет, как струна, карандаш.

Там юных вселенных зачатки —
Лобзаний моих отпечатки,
Предстанут, как сонмы богов.
И ели, пресвитеры-ели,
В волхвующей хвойной купели
Омоют громовых сынов.

Утонувшие в океанах
Не восходят до облаков,
Они в подземных, пламенных странах
Средь гремучих, красных песков.

До второго пришествия Спаса
Огневейно крылаты они,
Лишь в поминок Всадник Саврасый
На мгновенье гасит огни.

И тогда прозревают души
Тихий Углич и праведный Псков,
Чуют звон колокольный с суши,
Воск погоста и сыту блинов.

Блин поминный круглый не даром: —
Солнце с месяцем — Божьи блины,
За вселенским судным пожаром
Круглый год ипостась весны.

Не напрасны пшеница с медом —
В них услада надежды земной:
Мы умрем, но воскреснем с народом,
Как зерно, под Господней сохой.

Не кляните ж, ученые люди,
Вербу, воск и голубку-кутью —
В них мятеж и раздумье о чуде
Уподобить жизнь кораблю.

Чтоб не сгибнуть в глухих океанах,
А цвести, пламенеть и питать,
И в подземных, огненных странах,
К небесам врата отыскать.

* * *

Осенние сумерки — шуба,
А зимние — бабий шугай,
Пролетные — отрочьи губы,
Весна же — вся солнце и рай.

У шубы дремуча опушка,
Медвежья, лесная душа,
В шугае ж вещунья-кукушка
Тоскует, изнанкой шурша.

Пролетье с весною — улада,
Их выпить бы бражным ковшом...
Есть в отроках хмель винограда,
Брак солнца с надгубным пушком.

Живые, нагие, благие,
О, сумерки Божьих зрачков,
В вас желтый Китай и Россия
Сошлись для вязки снопов! —

Тучна, златоплодна пшеница,
В зерне есть коленице, пупок...
Сгинь Запад — Змея и Блудница, —
Наш суженый — отрок Восток!

Есть кровавое в нагоде, в срубе —
Прозреть, окунуться в зенит...
У русского мальчика на губе
Китайское солнце горит.

“ * ”

Олений гусак сладкозвучнее Глинки,
Стерляжьи молоки Верлена нежней,
А бабкина пряжа, печные тропинки
Лучистее славы и неба святей.

Что небо — несытое, утлое брюхо,
Где звезды роятся глазастее сов.
Покорствуя пряхе, два Огненных Духа
Сплетают мережи на песенный лов. —

Один орлеокий, с крылом лиловатым
Пред лаптем столетним слагает свой щит,
Другой тихосветный, и схожий с закатом,
Кудельную память жезлом ворошит:

„Припомни, родная, карельского князя,
Бобровые реки, и куньи леса“...
В державном граните, в палящем алмазе,
Поют Алконосты и дум голоса.

Под сон-веретенце печные тропинки
Уводят в алмаз, в шамаханский узор...
Как стерлядь в приборе, так в музыке Глинки
Нырнет душа с незапамятных пор.

О, русская доля — кувшиновый волос,
И вербная кожа девичьих локтей,
Есть слухи, что сердце твое расколось,
Что умерла прялка и скрипки лаптей.

Что в кушнем раю громыкает Чикаго,
И Сиринам в гнезда Париж заглянул.
Не лжет ли перо, не лукава ль бумага,
Что струнного Спаса пожрал Вельзевул?

Что бабкина пряжа скуднее Верлена,
Руслан и Людмила в клубке не живут...
Как морж в солнопёк раздышались стены, —
В них глубь океана, забвеньё и суд.

* * *

Поэту Сергею Есенину.

1.

Оттого в глазах моих просишь,
Что я сын Великих озер.
Точит сизую киноварь осень
На родной, беломорский простор.

На закате плещут тюлени,
Загляделся в озеро чум...
Златороги мои олени —
Табуны напевов и дум.

Потянуло душу, как гуся,
В голубой полуденный край;
Там Микола и Светлый Иисусе
Уготовят пшеничный рай!

Прихожу. Вижу избы—горы,
На водах—стальные киты...

Я запел про синие боры,
Про Сосновый Звон и скиты.

Мне ученые люди сказали:
„К чему святые слова?
„Укоротьте поддевку до талии
„И обузьте у ней рукава!“

Я заплакал Братскими Песнями, —
Порешили: „в рифме не смел!“
Зажурчал я ручьями полесными
И Лесные Были пропел.

В поучение дали мне Игоря
Северянина пудренный том, —
Сердце поняло: заживо выгорят
Те, кто смерти задет крылом.

Лихолетья часы железные
Возвестили войны пожар, —
И Мирские Думы болезные
Я принес отчизне, как дар.

Рассказал, как еловые куколи
Осеняют солдатскую мать;
И бумажные дятлы загукали:
„Не поэт он, а буквенный тать!“

„Русь Христа променяла на Платовых,
„Рай мужицкий — ребяческий бред“...

Но с Рязанских полей коловратовых
Вдруг забрезжил конопляный свет.

Ждали хама, глупца неупотребного,
В спинжаке, с кулаками в арбуз, —
Даль повыслала отрока вербного,
С голоском слаще девичьих бус.

Он поведал про сумерки карие,
Про стога, про отжиночный сноп;
Зашипели газеты: „татария!“
И Есенин — поэт-юдофоб!“

О, бездушное книжное мелево,
Ворон ты, я же тундровый гусь!
Осеньет Словесное дерево
Избяную, дремучую Русь!

Певчим цветом алмазно заиндевел
Надо мной древословный навес,
И страна моя, Белая Индия,
Преисполнена тайн и чудес!

Жизнь-праматерь заутрени росные
Служит птицам и правды сынам;
Книги-трупы, сердца папиросные —
Ненавидистый Творцу фирмиам!

2.

Изба—святилище земли,
С запечной тайною и расм; —
По духу росной конопли
Мы сокровенное узнаем.

На грядке веников ряды —
Душа берез зеленоустых...
От звезд, до луковой гряды,
Всё в вещем шопоте и хрустах.

Земля, как старище-рыбак,
Сплетает облачные сети,
Чтоб уловить загробный мрак
Глухонемых тысячелетий.

Провижу я: как в верше сом,
Заплещет мгла в мужицкой длани; —
Золотобревный, Отчий дом
Засолнцевет на поляне.

Пшеничный колос-исполин
Двор осенит целящей тенью...
Не ты ль, мой брат, жених и сын,
Укажешь путь к преображенью?

В твоих глазах дымок от хат,
Глубинный сон речного ила,
Рязанский, маковый закат, —
Твои певучие чернила.

Изба — питательница слов
Тебя взрастила не напрасно: —
Для русских сел и городов
Ты станешь Радуницей красной.

Так не забудь запечный рай,
Где хорошо любить и плакать!
Тебе на путь, на вечный май,
Сплетаю стих — матерый лапоть.

3.

У тебя, государь, новое оже-
рельце...

*Слова убийц Св. Дмитрия-
царевича.*

Ёлушка-сестрица,
Верба-голубица,
Я пришел до вас:
Белый цвет-Сережа,
С Китоврасом схожий,
Разлюбил мой сказ!

Он пришелец дальний,
Серафим опальный,
Руки—свитки крыл.
Как к причастью звоны,
Мамины иконы,
Я его любил.

И в дали предвечной,

Светлый, трехвенечный,
Мной провиден он.
Пусть я не красивый,
Хворый и плешивый,
Но душа, как сон.

Сон живой, павлиний,
Где перловый иней
Запустил окно,
Где в углу, за печью,
Чародейной речью
Шепчется Оно.

Дух ли это Славы,
Город златоглавый,
Савана ли плеск?
Только шире, шире,
Белизна псалтири —
Нестерпимый блеск.

Тяжко, светик, тяжело!
Вся в крови рубашка...
Где ты, Углич мой?..
Жертва Годунова,
Я в глуши еловой
Восприму покой.

Буду в хвойной митре,
Убиенный Митрий,

Почивать, забыт...
Грянет час вселенский,
И Собор Успенский
Сказку приютит.

4.

Бумажный ад поглотит вас
С чернильным черным сатаною,
И бесы: Буки, Веди, Аз,
Согнут построчников фитою.

До воскрешающей трубы
На вас падут, как кляксы, беды,
И промокательной судьбы
Не избежат бумагоеды.

За место славы будет смерть
Их костяною рифмой тешить,
На клякс-папировую жердь
Насадят лавровые плечи.

Построчный пламень во сто-крат
Горячей жюпела и серы.
Но книжный червь, чернильный ад,
Не для певцов любви и веры.

Не для тебя, мой василек,
Смола терции, устава клещи,
Ржаной колдующий восток
Тебе открыл земные вещи:

„Заря-котенок моет рот,
На сердце теплится лампадка“.
Что мы с тобою — не народ —
Одна бумажная нападка.

Мы, как Саул, искать ослиц
Пошли в родные буераки,
И набрали на блеск столиц,
На ад, пылающий во мраке.

И вот, окольною тропой,
Идем с уздой и кличем: сивка!
Поют хрустальною трубой
Во мне хвоя, в тебе наливка.—

Тот душегубный варенец,
Что даль рязанская сварила.
Ты — коловратов кладенец,
Я — бора пасмурная сила.

Таран бумажный нипочем
Для алмазковой кольчуги...
О, только б странствовать вдвоем,
От Соловков и до Калуги.

Через моздокский синь-туман,
На ржанье сивки, скрип косули!..
Но есть польнный, злой дурман,
В степном жалеечном Июле.

Он за курганами звенит
И по-русалочьи мурлычет:
„Будь одиноким, как зенит,
Пускай тебя ничто не кличет“.—

Ты отдалился от меня,
За ковыли, глухие лужи...
По ржанью певчего коня
Душа курганная недужит.

И знаю я, мой горбунок
В сосновой лысине у взморья;
Уж преисподняя из строк
Трепещет хвойного Егорья.

Он возгремит, как божья рать,
Готовя ворогу расплату,
Чтоб в книжном пламени не дать
Сгореть родному Коловрату.

На овинной паперти Пасха,
Звон соломенок, сдобный дух:
Здесь младенцев город, не старух,
Не в косматый вечер злая сказка.

Хорошо с суловом „Свете“ петь,
С колоском в потемках повенчаться,
И рукою брачной постучаться
В недомысленного мира клеть.

С древа жизни сиринов вспугнуть,
И под вихрем крыл сложить былину.
За стихи свеча Садко-овину...
Скушно сердцу строки-дуги гнуть.

Сгинь, перо и вурдалак-бумага!
Убежать от вас в суслонный храм,
Где ячменной наготой Адам
Дух свежит, как ключ в глуши оврага.

Близок к нищим сдобный, мглистый рай,
Кус сиротский гения блаженной...
Вседержитель! Можно ль стать нетленной,
Чем мирской, мозольный каравай?

---

* * *

Я потомок лапландского князя,
Калевалов волхвующий внук,
Утолю без настоек и мази
Зуд томлений, и пролежни сук.

Клуб земной—с солодягой корчагу
Сторожит саваофов ухват,
Но, покорствуя хвойному магу,
Недвижим златорогий закат.

И скуластое солнце лопарье,
Как олений, послушный телок.
Тянет желтой, морошковой гарью
От колдующих, тундровых строк.

Стих—дымок над берестовым чумом,
Где уплыла окунья уха,
Кто прочтет, станет гагачьим кумом,
И провидцем полночного мха.

Льдяной Врубель, горячий Григорьев
Разгадали сонник ягелей;—
Их тоска—кашалоты в поморьи
Стала грузом моих кораблей.

Не с того ль тянет ворванью книга,
И смолой запытых табуны?
Вашингтон, черепичная Рига
Не вместят кашалотной волны.

Уплывем же, собратья, к Поволжью,
В папирусно-тигриный Памир!
Калевала сродни желтокожью,
В чьем венце ледовитый Сапфир.

В русском коробе, в эллинской вазе,
Брежжат сполохи, полюсный щит,
И сапфир самоедского князя
На халдейском тюрбане горит.

* * *

Чтобы медведь пришел к порогу,
И щука выплыла на зов,
Словите ворона-тревогу
В тенета солнечных стихов.

Не бойтесь хвойного бесследья,
Целуйтесь с ветром и зарей,
Сундук железного возмездья
Взломав упорною рукой.

Повыньте жалости повязку,
Сорочку белой тишины,
Переступя в льняную сказку
Запечной, отрочьей весны.

Дремля присядьте у печурки —
У материнского сосца,
И под баюканье снегурки
Дождитесь вещего конца. —

Потянет медом от оконца,
Паучьим лыком и дуплом,
И, весь в паучьих волокнах,
Топтыгин рявкнет под окном.

А в киновареном озерке,
Где золотой окуний сказ,
На бессловесный окрик зорко
Блеснет каурый, щучий глаз.

* * *

Гробичек не больше рукавицы,
В нем листочек осиновый, белый,
Говорят, что младенческое тело
Легкокрылей пчелки и синицы.

Роженичные ж боли—спицы,
Колесо мученицы Екатерины.
Всё на свете кошмы и перины
От кровей Христовы багряницы.

Царский сын, на вымени у львицы
Я уснул, проснулся же поэтом:—
Вижу гробик, листиком отпетым
В нем почил горькие страницы.

Дайте же младенчику водицы,
Омочите палец в синем море!..
Уши мира со стихами в споре;
Подавай им строки, как звоницы.

Гробичек, не больше рукавицы,
Уплывает в сумерки и в свечи...
Не язык ли бедный человеческий
Погребут на вечные седмицы?

---

* * *
Есть каменные небеса,
И сталактитовые люди,
Их плоскогорья и леса
Не переехать на верблюде.

Гранитноглавый их король
На плитняке законы пишет;
Там день—песчанник, полночь—смоль,
И утро киноварью дышит.

Сова в бычачьем пузыре
Туда поэта переносит,
Но кто о каменной заре
Косноязыкого расспросит?

И кто уверится, что Ной
Досель на дымном Арарате
И что когда-то посох мой
Сразил египетские рати?

Хитрец и двоедушный плут—
Вот Боговидящему кличка...
Для сталактитовых Иуд
Не нужно красного яичка.

Им тридцать сребренников дай,
На плешь упроченные лавры;—
Не Моисею отчий край
Забьет в хвалебные литавры.

Увы, и шашель платяной
Живет в порфирном горнистае!
Пророк, венчанный купиной,
Опочивает на Синае.

Каменнокрылый херувим
Его окутал руд наносом,
Чтоб мудрецам он был незрим,
Простым же чудился утесом.

ТРУД.

Свать сениный воз мудрей, чем создать
„Войну и Мир“, иль Шиллера балладу.
Бредете вы по золотому саду,
Не смея плод оброненный поднять.

В нем ключ от врат в Украшенный Чертог,
Где слово—жрец, а стих—раджа алмазный,
Туда въезжают возы без дорог
С билетом: Пот и Труд многообразный.

Батрак, погонщик, плотник и кузнец
Давно бессмертны и богам причастны:
Вы оттого печальны и несчастны,
Что под ярмо не нудили крестец.

Что ваши груди, ягодицы, пятки
Не случены с киркой, с лопатой, с хомутом.
В воронку адскую стремясь без оглядки,
Вы Детство и Любовь пугаете Трудом.

* * *

Громовые, владычные шаги,
Пята—гора, суставы—скал отроги,
И вопль Земли: Всевышний, помоги!—
Грядет на ны Сын Бездны семирогий!

Могильный бык, по озеру крыло,
Ощерил пасть, кроmeshнее пещеры:
„Мне поило—кровь, моя отрыжка—зло,
Утроба—ночь, костяк же—камень
серый“.

Лев четырех ветров залаял жалким
псом:
Увы! Увы! Разбиты семь печатей...
И лишь в избе, в затишье вековом,
Поет сверчок, и древен сон палатей.

Заутра дед расскажет мудрый сон
Про Светлый град, про Огненное
древо;—

И будет строг высокий небосклон,
Безмолвен труд, и зелены посевы.

А ввечеру, когда тела без сил,
Певуча кровь, и сладкоустны братья, —
Влетит в светелку ярый Гавриил
Благовестить безмужние зачатья.

* * *

Два юноши ко мне пришли,
В Сентябрьский вечер листопадный,
Их сердца стук, покой отрадный
К порогу милому влекли.

Я им писание открыл,
Купели слез, глагол высокий,
„Мы приобщились к Богу сил“
Рекли пророческие строки.

„Дела, которые творю,
И вы, птенцы мои,—творите“...
Один вскричал: „я возгорю“,
Другой аукнулся в зените.

И долго я гостей искал:
„Любовь, явись! Бессмертье, где
ты?..
„В сердечных далях теплим свет“—
Орган сладчайший заиграл.

И понял я: зачну во чреве,
И близнецов на свет рожу:
Любовь отдам скопца ножу,
Бессмертье ж излучу в напеве.

---

* * *
Братья, это корни жизни —
Воскресные умытые руки,
Чистая рубаха на отчизне,
Петушинные, всемирные звуки!

Дагестан кукарекнул Онеге,
Литва аукнулась Якутке:
На душистой, сеновозной телеге
Отдохнет Россия за сутки.

Стоголовые Дарьи, Демьяны,
Узрят Жизни алое древо:
На листьях роса—океаны,
И дупло—преисподнее чрево.

В дупле столетья—гнилушки,
Помет судьбы—слезной птицы.
К валдайской нищей хлевушке
Потянутся зебры, веприцы.

На Таити брякнет подойник,
Ольховый, с олонецкой резьбою,
Петроград—благоразумный разбойник
Вострубит архангельской трубою:

„Помяни мя, Господи,
Егда приидеши во царствие Твое!“
В пестрядине и в серой поскони
Ходят будни—народное житье.

Будни угрюмы, вихрасты,
С мозольным горбом, с матюгами...
В понеделник звезды не часты,
В субботу же расшиты шелками.

Воскресенье—умытые руки,
Земляничная, алая рубаха...
Братья, корни жизни—не стуки,
А за тихой куделью песня—пряха.

Миллионам ярых ртов,
Огневых, взалкавших глоток,
Антидор моих стихов,
Строки ярче косоплеток.

Красный гром в моих крылах,
Буруны в немолчном горле,
И в родимых деревьях
Знают лёт и клетот орлий.

В черносошной глубине
Есть блаженная дубрава,
Там кручинятся по мне
Две сестры: Любовь и Слава.

И вселенский день придет, —
Брак Любви с орлиным словом;
Вещий, гусельный народ
Опочтет по дубровам.

Золотые деревья
Свесят грядьями созвучья,
Алконостами слова
Порассядутся на сучья.

Будет птичница-душа
Корм блюсти, стожары пуха,
И виссонами шурша,
Стих войдет в чертоги духа.

Обезглавит карандаш
Сводню старую—бумагу,
И слетятся в мой шалаш
Серафимы слушать сагу.

Миллионы звездных ртов
Взалчут песни-антидора...
Я—полесник хвойных слов
Из Олонецкого бора.

По Керженской игуменьи Манефе,
По рассказам Мельникова-Печерского,
Всплакнулось душеньке, как дрохфе
В зоологическом, близ моржа Пустозер-
ского.

Потянуло в мир лестовок, часословов
заплаканных,

В град из титл, где врата киноварные...

Много дум, недомолвок каляканных,

Знают звезды и травы цитварные!

Повесть дней моих ведают заводи,

Бугорок на погосте родительский;—

Я родился не в башне, не в пагоде,

А в лугу, где овчарник обительский.

Помню Боженьку, небо первачное,

Облака из ковриг, солнце шаное,

В пеклеванных селениях брачное
Пенье ангелов: „чадо желанное“.

На загнетке соборы святителей,
В кашных ризах, в подрясниках маковых,
И в творожных венцах небожителей
По укладкам келарника Якова.

Помню столб с проволокой гнусавою,
Бритолицых табашников нехристей; —
С „Днесь весна“ и с „Всемирною славою“
Распростился я, сгнувши без вести.

Столб кудесник, тропа проволо́чная,
Низвели меня в ад электрический...
Я поэт—одалиска восточная
На пирушке бесстыдно языческой.

Надо мною толпа улюлюкает,
Ад зияет в гусаре и в патере,
Пусть же Керженский ветер баюкает
Голубец над могилою матери.

Я — древо, а сердце — дупло,
Где сирина-птицы зимовье,
Поет он, — и сени светло,
Умолкнет, — заплачется кровью.

Пустынею глянет земля,
Золой власяничное солнце,
И умной листвой шевеля,
Я слушаю тяжкое донце. —

То смерть за крошечным станком
Вдевает в уловище пряжу,
Чтоб выткать карающий гром —
На грешные спины поклажу.

Бережат глухие листы; —
В них одет, анчарные соки,
Но небо затеплит кресты —
Сыновности отблеск далекий.

И птица в сердечном дупле
Заквохчет, как дрозд на отлете,
О жертвенной, красной земле,
Где камни — взалкавшие плоти.

Где Музыка в струнном шатре,
Томится печалью блаженной
О древе — глубинной заре,
С листвою яровчато-пенной.

Невеста, я древо твое,
В тени моей песни-олени;
Лишь браком святится жилье,
Где сириный пух по колени.

Явися, и в дебрях возляг,
Окутайся тайной громовой,
Чтоб плод мой созрел и отмяг —
Микулово, бездное слово!

Есть горькая супесь, глухой чернозем,
Смиренная глина и щебень с песком,
Окунья земля, травяная медынь,
И пегая охра, жилища пустынь.

Меж тучных, глухих и скудельных земель
Есть Мать-земля, бытия колыбель,
Ей пестун Судьба, вертоградарь же Бог,
И в сумерках жизни к ней нету дорог.

Лишь дочь ее, Нива, в часы бороньбы,
Как свиток являет глаголы Судьбы,—
Читает их пахарь, с ним некто Другой,
Кто правит огнем и мужчицкой душой.

Мы внуки земли и огню родичи,
Нам радостны зори и пламя свечи,
Язвит нас железо, одежд чернота,—
И в памяти нашей лишь радуг цвета.

В кручине по крыльям, пригожих лицом
Мы „соколом ясным“ и „павой“ зовем.
Узнайте же ныне: на кровле конек
Есть знак молчаливый, что путь наш далек

Изба—колесница, колеса—углы,
Слетят серафимы из облачной мглы,
И Русь избяная—несметный обоз!—
Вспарит на распутья взывающих гроз...

Сметутся народы, иссякнут моря,
Но будет шелками расшита заря,—
То девушки наши, в поминок векам,
Расстелют ширинки по райским лугам.

Как гроб епископа, где ладон и парча
Полуистлевшие смешались с гнилью трупной
Земные осени. Бурее кирпича
Осиновая глушь. Как склеп, ворам доступный,
Зияют небеса. Там муть, могильный сор,
И ветра-ключаря гнусавый разговор:
„Украден омофор, червонное кадило,
Навек осквернена святейшая могила:—
Вот митра—грязи кус, лохмотья орлеца“...
Земные осени унылы без конца.
Они живой зарок, что мира пышный склеп
Раскраден будет весь, и без замков и скреп
Лишь смерти-ключарю достанется в удел.
Дух взломщика, Господь, и туки наших тел,
Смирять ты огнем и ранами войны,
Но струпья вновь смягчишь бальзамами
весны,
Пугая осень, как грозною вехой,
На расстани миров, где сумрак гробовой!

Счастье бывает и у кошки —
Котеночек — пух медовый,
Солнопек в зализанной плошке,
Где звенит пчелой душа коровы.

Радостью полнится и рябка,
Яйцом в пеклеванной соломе,
И веселым лаем Арапка
О своей конуре — песьем доме.

Горем седеет и муха —
Одиночкой за зимней рамой...
Песнописцу в буквенное брюхо
Низвергают воды Ганг и Кама.

И внимая трубам вод всемирных,
Рад поэт словесной бурной пене, —
То прибой, поход на ювелирных
Мастерочков рифм — собак на сене

Гам, гам, гам, скулят газеты, книги,
Магазины Вольфа и Попова...
Нужны ль вам мои стихи-ковриги,
Фолиант сермяжный и сосновый?

Расцветает скука беленою
На страницах песьих, на мольбер-
тах;
Зарождать жар-птицу, роха, сою
Я учусь у рябки, а не в Дерптах.

Нежит солнце киску и Арапка,
Прививает оспу умной твари;
Под лучами пучится, как шапка,
Мякоть мысли. Зреет гуд комарий. —

Треснет тишь — булыжная скор-
лупка,
И стихи, как выводок фрегатов,
Вспенят глубь, где звукоцвета губка
Тянет стебель к радугам закатов...

Счастье быть коровой, мудрой кошкой,
В молоке ловить улыбки солнца...
Погрусти, мой друг, еще немножко,
У земного, тусклого оконца.

Шепчутся тени-слепцы:
„Я от рожденья незрячий“.
„Я же ослепла в венцы,
В солнечный пир новобрачий“.

„Дед мой бродяга-фонарь,
Матерь же искра гулеха“
„Помню я сосен янтарь,
Росные утренний моха“.

„Взломщик походку мне дал,
Висельник шею—циплячью“ ...
Призраки, вас я не звал
Бить в колотушку ребячью!

Висельник, сядь на скамью,
Девушке место, где пряжа.
Молвите: в божьем раю
Есть ли надпечная сажка?

Есть ли куриный Царьград,
В теплой соломе яичко,
Сказок и шорохов клад,
Кот с диковинною кличкой?

Бабкины спицы там есть,
Песье ворчанье засова?...
В Тесных вратах не пролезть
С милой вязанкой былого.

Ястреб, что смертью зовут,
Город похитил куриный,
Тени-слепцы поведут
Душу дорогою длинной.

Только ужиться ль в аду,
Сердцу теплее наседки:—
В келью поэта приду
Я в золотые последки.

К кудрям пытливым склонюсь,
Тайной дохну на ресницы,
Та же бездонная Русь
Глянет с упорной страницы.

Светлому внуку незрим
Дух мой в чернильницу канет,
И через тысячу зим
Буквенным сирином станет

Виктору Шамановскому.

Будет брачная ночь, совершение таин,
Все пророчества сбудутся, камни в пляску
пойдут,
И восплачет над Авелем окровавленный
Каин,
Видя полночь ресниц, виноград палых уд.

Прослезится волчица над костью овечей,
Зарыдает огонь, что кусался и жег,
Станет бурей душа, и зрачок человеческий
Вознесется, как солнце, в небесный чертог.

И Единое око насытится зреньем
Брачных ласк и зачатий от ядер миров,
Лавой семя вскипит, изначальным хо-
теньем
Дастся солнцу — купель, долу — племя
богов.

Роженица-земля, охладив ложе сна,
Улыбнется Супругу крестильной зарей...
О, пиры моих уд, мрак мужицкого сна,—
Над могилой судеб бурных ангелов рой!

Октябрьское солнце, косое, дырявое,
Как старая лодка, рыбацья мерда,
Баюкает сердце незрячее, ржавое,
Как якорь на дне, как глухая руда.

И очап скрипит. Пахнет кашей, свивальником,
И чутся тяжесть осенней земли: —
Не я ли — отец, и не женским ли сальником
Стал лес - роженица и тучи вдали?

Бреду к деревушке мясистый и розовый,
Как к пойлу корова — всещедрый удои;
Хозяйка земля и подоинок березовый —
Опалая роща лежит предо мной.

Расширилось тело коровье, молочное,
И нега удои, как притча Христа:
„Слепцы, различаете небо восточное,
Мои же от зорь отличите ль уста!“

Христос! Я — буренка мирская, страдальная;
Пусть доит Земля мою жизнь — молоко...
Как якорь на дне, так душа огнепальная
Тоскует о брачном, лебяжьем Садко.

Родить бы предвечного, вешего, струнного,
И сыну отдать ложесна и сосцы; —
Увы! От октябрьского солнца чугунного
Лишь кит зачинает, да злые песцы.

Аннушке Кирилловой.

Эта девушка умрет в родах...
Не в догад болезной повитухе,
Что он был давяще-яр в плечах
И с пушком на отроческом брюхе,

Что тяжел и сочен был приплод—
Бурелом средь яблонь белоцветных...
Эта девушка в пространствах межпла-
нетных
Родит лирный солнечный народ.

Но в гробу червивом, как валежник,
Замерцает фосфором лобок.
Огонек в сторожке и подснежник
Ненасытный девичий зрачок.

Есть в могилах роды и крестины
В плесень—кровь и сердце—в минерал.

Цинии сказ и заводи перины
Вспенит львиный рыкающий шквал.

И в белках заплещут кашалоты,
Смерть — в моржовой лодке эскимос...
Эту девушку, душистую, как соты,
Приголубит радужный Христос.

Улыбок и смехов есть тысяча тысяч,
Их в воск не отлить и из камня не высечь,
Они, как лучи, как овечья парха,
Сплетают то рай, то мережи греха.

Подснежная озимь — улыбка ребенка,
В бесхлебицу рига — оскал старика,
Издевка монаха — в геену воронка,
Где дьявола хохот — из трупов река.

Стучит к потаскухе скелет сухопарый,
(А вербы над речкой, как ангел, белы),
То Похоть смеется, и души - гагары
Ныряют, как в омут, в провалы скулы.

Усмешка убийцы — коза на постели,
Где плавают гуси — пушинки в крови,
Хи-хи роженицы, как скрип колыбели,
В нем ласточек щебет, сиянье любви.

У ангелов губы — две алые птицы,
Их смех огнепальный с пером не случить.
Издохнут созвучья, и строки - веприцы
Пытаются в сердце быдлом угодить.

Мое ха-ха-ха — преподобный в ночлежке,
Где сладостней рая зловонье и пот,
Удавленник в церкви, шпионы на слежке.
Провижу читателя смех наперёд:

О, борозды ртов и зубов миллионы,
Пожар языков, половодье слюны,
Вы, ярая нива, где зреют законы,
Стиха миродержца и струнной весны!

О, скопчество — венец, золотоглавый град,
Где ангелы пятой мнут плоти виноград,
Где площадь — небеса, созвездия — базар,
И Вечность сторожит диковинный товар:
Могущество, Любовь и Зеркало веков,
В чьи глубины смотрит Бог, как рыбарь на улов!

О, скопчество — страна, где бурый колчедан
Буравит ливней клюв, сквозь хмару и туман,
Где дятел-Маята долбит народов ствол
И Оспа с Колтуном навастривают кол,
Чтобы вонзить его в богоневестный зад,
Вселенной матери и чаше всех услад!

О, скопчество — арап на пламенном коне,
Гадательный узор о незакатном дне,
Когда безудный муж, как отблеск маргарит,
Стокрылых сыновей и ангелов родит!
Когда колдунью Страсть с владыкою-Блудом,

Мы в воз потерь и бед одрами запряжем,
Чтоб время-ломовик об них сломало кнут...

Пусть критики меня невеждой назовут.

Всё лики в воздухе да очи,
В пустынном оке снова лик...
Многопудовы, неохочи,
Мы—за убойным пойлом бык.

Объемист чан, мучниста жижа,
Зобатый ворон на хребте
Буравит клювом войлок рыжий —
Пособье скотской красоте.

Поганый клюв быку приятен,
Он песня, арфы ворожба.
И от пометных, смрадных пятен
Дымится луг, ручья губа.

И к юду, в фартуке кровавом,
Не раз подходит смерть-мясник,
Но спит душа под сальным сплавом —
Геенских лакомок балык.

Убойный молот тяжко-сладок —
Обвал в ущельях мозговых...
О, сколько в воздухе загадок,
Очей и обликов живых!

В зрачках или в воздухе пятна,
Лес башен, подобье горы?
Жизнь облак людям непонятна, —
Они для незрячих — пары.

Не в силах бельмо телескопа
Небесной души подглядеть.
Драконовой лапой Европа
Сплетает железную сеть:

Словлю я в магнитные верши
Громовых китов и белуг!
Земля же чешуйкой померкшей
Виляет за стаей подруг.

Кит солнце, тресковые луны,
И выводки звезд-осетров
Плывут в океанах, где шхуны
Иных, всемогущих ловцов.

Услышат Чикаго с Калугой
Предвечный полет гарпуна,
И в судоргах, воя белугой,
Померкнет на тверди луна.

Мережи с лесой осетровой
Протянут над бездной ловцы: —
На потрохи звездного лова
Сбежатся кометы-песцы.

Пожрут огневую вязигу,
Пуп солнечный, млечный гусак.
Творец в Голубинную книгу
Запишет: бысть воды и мрак.

И станет предвечность понятна,
Как озими мать-борозда.
В зрачках у провидца не пятна,
А солнечных камбал стада.

Полуденный бес, как тюлень,
На отмели греет оплечья. —
По тяге в сивушную лень
Узнаешь врага человечья.

Он в тундре оленем бежит,
Суглинком краснеет в овраге,
И след от кромешных копыт —
Болотные тряские ляги.

В пролетье, в селедочный лов,
В крикливые гагачьи токи,
Шаман заклинает бесов,
Шепча на окуны молоки:

„Эй, эй! Юксавель, ай-наши!“
(Сельдей, как бобровой запруды)
Пречистой лебяжьей души
Шамановы ярые уды. —

Лобок—желтоглазая рысь,
А в ядрах—по огненной утке,—
Лишь с Солнцевой бабой любись,
Считая лобзанье за сутки.

Чмок—сутки, чмок—пять, пятьдесят—
Конец самоедскому маю.
На Солнцевой бабе заплат,
Как мхов по Печенгскому краю.

Шаману покорствует бес
В раю из оленьих закуток,
И видит лишь чума навес
Колдующих, огненных уток.

Городские, предбольничные березы
Захворали корью и гангреной.
По ночам золотарей обозы
Чередой плетутся неизменной.

В пухлых бочках хлюпает Водянка,
На Волдырь пеняет Золотуха,
А в мертвецкой крючнику цыганка
Ворожит кули нежнее пуха:

„Приплывет заморская расшива
С диковинным, солнечным товаром“...
Я в халате. За стеною Хива
Золотым раскинулась базаром.

К водопою тянутся верблюды,
Пьют мой мозг, аральских глаз лагуны,
И делить стада, сокровищ груды,
К мозжечку съезжаются Гаруны.

Берedit зурна: любовь Фатимы
Как чурек с кашмирским виноградом...
Совершилось. Иже Херувимы
Повенчали Вологду с Багдадом.

Тишина сшивает тюбетейки,
Ковыляет Писк к соседу-Скрипу.
И березы песенку Зюлейки
Напевают сторожу Архипу.

Я уж больше не подрасту, —
Останусь лысым, и робко сутулым,
И таким прибреду ко кресту,
К гробовым, деревянным скулам.

В них завязну, как зуб гнилой; —
Лязгнет пасть — поджарая яма...
А давно ли атласной водой
Меня мыла в корытце мама?

Не вчера ли я стал ходить,
Пугаясь бороды деда?
Или впрямь допрялась, как шить,
Жизнь моя и дьячка-соседа?

Под окном березка росла,
Ствол из воска, светлы побег,
Глядь, в седую губу дупла
Ковыляют паучьи телеги. —

Буквы Аз и Буки везут
Весь алфавит и год рожденья...
Кто же мозгу воздаст за труд,
Что тесал он стихи-каменья?

Где подрядчик—пузатый журнал?—
В счете значатся: слава, гений...
Я недавно шутя хворал
От мальчишеской, пьяной лени.—

Тосковал, что венчальный наряд
Не приглянется крошке-Марусе...
Караул! Ведь мне шестьдесят,
Я—закладка из Книжной Руси!

Берedit нафталинную плешь,
Как бывшее, колпак больничный...
Кто-то черный бормочет: съешь
Гору строк, свой обед обычный.

Видно я, как часы, захворал,
В мироздании став запятою,
И дочитанный Жизни журнал
Желтокожей прикрыл рукою.

„Я здесь“, ответило мне тело,—
Ладони, бедра, голова,—
Моей страны осиротелой
Материки и острова.

И парус солнечный завидя,
Возликовало Сердце-мыс:
„В моем лазоревом Мадриде
Цветут миндаль и кипарис“.

Аорты устьем красноводным
Плывет Владычная Ладыя;—
Во мгле, по выступам бесплодным,
Мерцают мхи, да ягеля.

Вот остров Печень. Небесами
Над ним раскинулся крестец.
В долинах с желчными лугами
Отары пожраных овец.

На деревьях тетерки, куры,
И души проса, пухлых реп.
Там солище — пуп, и воздух бурый
К лучам бесчувственен и слеп.

Но дальше путь, за круг полярный,
В края Желудка и Кишек,
Где полыхает ад угарный
Из огнедышащих молок.

Где салотопни и толкуши,
Дубильни, свалки нечистот,
И населяет гребни суши
Крылатый, яростный народ.

О, плотяные Печенеги,
Не ваш я гость! Плыви ладья
К материку любви и неги,
Чей берег ладон и кутья!

Лобок — Сжигающий Марокко,
Где под смоковницей фонтан
Мурлычет песенку востока
Про Магометов караван.

Как звездотечностью пустыни
Везли семь солнц — пророка жен —
От младшей Евы, в Месяц Скиний,
Род человеческий рожден.

Здесь Зороастр, Христос и Брама
Вспахали ниву ярых уд,
И ядра—два подземных храма
Их плуг алмазный стерегут.

Но и для солнечного мага
Сокрыта тайна алтарем...
Вздыхает судоржно бумага
Под ясновидящим пером.

И, возвратясь из далей тела,
Душа, как ласточка в прилет,
В созвучий домик опустелый
Пушинку первую несет.

Звук ангелу собрат, бесплотному лучу,
И недруг топору, потемкам и сычу.
В предсмертном „ы-ы-ы!..“ таится полужук
Он каплей и цветком уловится, как стук,—
Сорвется капля вниз и вострепещет цвет,
Но трепет не глагол, и в срыве звука нет.

Потемки с топором и правнук ночи, сын,
В обители лесов поднимут хищный клич,
Древесной крови дух дойдет до Божьих звезд,
И сиринь в раю слетят с алмазных гнезд;
Но крик железа глух и тяжек, как валун,
Ему не свить гнезда в блаженной роще струн.

Над зыбкой, при свече, старуха запоет:
Дитя, как знак росу, впивает певчий мед,
Но древний рыбарь — сон, чтоб лову не ску-
деть,
В затоне тишины созвучьям ставит сеть.

В бору, где каждый сук — моленная свеча,
Где хвойный херувим льет чашу из луча,
Чтоб приобщить того, кто голос уловил
Кормилицы мирской и пестуны могил, —
Там, отроку-цветку лобзание даря,
Я слышал, как заре откликнулась заря,
Как вспел петух громов и в вихре крыл воз-
ник,
Подобно рою звезд, многоочитый лик...

Миг выткал пелену, видение темня,
Но некая свирель томит с тех пор меня;
Я видел звука лик, и музыку постиг,
Даря уста цветку, без ваших ржавых книг!

* * *

Мужицкий лапотъ свят, свят, свят!
Взываетъ облако, кукушка,
И чародейнее, чемъ клад,
Мирская, потная полушка.

Горыныч, Сирин, Царь Кашей, —
Всё явь родимая, простая,
И в онемелости вещей
Гнездится птица золотая.

В телеге туч неровный бег,
В метелке — лик метлы небесной.
Пусть черен хлеб, и сумрак пег, —
Есть вехи к родине безвестной.

Есть мед и хмель в насущной ржи,
За лаптевязьем дум ловитва,
„Вселися в ны, и обожи“ —
Медвежья умная молитва.

* * *

Где пахнет кумачом — там бабьи посиделки,
Медью и сурьмой — девичий городок...
Как пряжа мерен день, и солнечные белки,
Покинув райский бор, уселись на шесток.

Беседная изба — подобие вселенной:
В ней шолом — небеса, палаты — млечный путь,
Где кормчому уму, душе многоплачевной,
Под веретённый клир усладно отдохнуть.

Неизреченен Дух и несказанна тайна
Двух чаш, двух свеч, шести очей и крыл!
Беседная изба на свете не случайна, —
Она Судьбы лицо, преддверие могил.

Мужицкая душа, как кедр зеленотемный,
Причастье Божьих рос неутолимо пьет;
О, радость быть простым, носить кафтан по-
сконный
И тельник на груди, сладимей диких сот!

Индийская земля, Египет, Палестина —
Как олово в сосуд, отлились в наши сны.
Мы братья облакам, и савана холстина —
Наш верный поводь в обитель тишины.

* * *

У розвальней—норов, в телеге же—ум,
У карего много невыржанных дум.

Их ведает стойло, да дед дворовик,
Что кажет лишь твари мерцающий лик.

За скотьей вечерней в потемках хлева,
Плачевнее ветра овечья молва.

Вздыхает каурый, как грешный мытарь:
„В лугах Твоих буду ли, Отче и Царь?”

„Свершатся ль мои подъяремные сны,
„И, взвихрен, напыюсь ли небесной волны?..”

За конскою думой кому уследить?
Она тишиною спрячется в нить.

Из нити же время плетет невода,
Чтоб выловить жребий, что светел всегда.

Прообраз всевышних, крылатых коней
Смиранный коняга, страж жизни моей.

С ним радостней труд, благодатней посев,
И смотрит ковчегом распахнутый хлев.

Взыграет прибой и помчится ковчег
Под парусом ясным, как тундровый снег.

Орлом огнезобым взметнется мой конь,
И сбудется дедов дремучая сонь!

Плач дитяти через поле и реку,
Петушинный крик, как боль, за версты,
И паучью поступь, как тоску,
Слышу я сквозь наросты коросты.

Острупела мать сыра-земля,
Загноились ландыши и арфы,
Нет Марии и вифанской Марфы
Отряхнуть пушинки с ковыля, —

Чтоб постлать Волюбленному ложе,
Пыльный луч лозою затенить.
Распростерлось небо рваной кожей, —
Где ж игла и штопальная нить?

Род людской и шила недомыслия,
Чтоб заплатать бездну или ночь;
Он песчинки по Сахарам числил
До цветистых выдумок охоч.

Но цветы, как время, облетели.
Пляшет сталь и рыкает чугун.
И на дымно закоптелой ели
Оглушенный плачет Гамаюн.

---

* * *

Где рай финифтяный и Сирия
Поет на ветке расписной,
Где Пушкин говором просвирен
Питает дух высокий свой.

Где Мей яровчатый, Никитин,
Велесов первенец Кольцов,
Туда бреду я, ликом скрытен,
Под ношей варварских стихов.

Когда сложу свою вязанку
Сосновых слов, медвежьих дум?
„К костру готовьтесь спозаранку“
Гремел мой прадед-Аввакум.

Сгореть в мятельном Пустозерске
Или в чернилах утонуть?
Словопоклонник богомерзкий
Не знаю я, где орлий путь.

Поет мне Сирии издавеча:
„Люби, и звезды над тобой
Заполыхают красным вечем,
Где сердце — колокол живой“.

Набат сердечный чует Пушкин —
Предвечных сладостей поэт...
Как яблоневые макушки
Благоухает звукоцвет.

Он в белой букве, в алой строчке,
В фазаньи-пестрой запятой.
Моя душа, как мох на кочке,
Пригрета пушкинской весной.

И под лучом кудряво-смуглым
Дремуча глубь трофинняков.
В мозгу же, росчерком округлым,
Станицы тянутся стихов.

СПАС.

1.

Вышел лен из мочища
На заезженный ток —
Нет вернее жилища,
Чем косою солннопек.

Обсушусь и провею,
После в мяло пойду,
На порты Еремею
С миткалем на ряду.

Будет малец Ерема,
Как олень, белоног —
По опушку — истома,
После — сладкий горох.

Волосок подколенный,
Кресцовой, паховой,

До одежды нетленной
Обручатся со мной.

У мужицкого Спаса
Крылья в ярых кресцах,
В пупе перьев запасы,
Чтоб парить в небесах.

Он есть Альфа, Омега,
Шамаим и Серис,
Где с Ефратом Онега
Поцелуйно слились.

В ком Коран и Минея,
Вавилон и Саров
Пляшут пляскою змея
Под цевницу веков.

Плоти громной, Господней,
На порты я вращен,
Чтоб Земля с Преисподней
Убелились, как лен.

Чтоб из Спасова чрева
Воспарил об-он-пол
Сын праматери Евы —
Шестикрылый Орел.

2.

Я родил Эммануила —
Загуменного Христа,
Он стоокий, громокрылый,
Кудри — буря, меч — уста.

Искуплением заклятый
Он мужицкий принял зрак: —
На одежке заплата,
Речь: авось, да кое-как.

Спас за сошенькой-горбушей
Потом праведным потел,
Бабы, дедовские души
Возносил от бренных тел.

С белопахой коровенкой
Разговор потайный вел,
Что над русской сторонкой
Судный ставится престол.

Что за мать, пред звездной книгой,
На слезинках творена,
Черносошная коврига
В оправданье подана.

Питер злой, железногрудый
Иисусе посетил,
Песен китежских причуды
Погибающим открыл.

Петропавловских курантов
Слушал сумеречный звон,
И Привал Комедиантов
За бесплодье проклял Он.

Не нашел светлей, пригоже
Загуменного бытья...
О, мой сын, — Всепетый Боже,
Что прекрасно без Тебя.

Прокажены Стих, Газета,
Лики Струн и Кисть с Резцом...
Из Ржаного Назарета
Мы в предвечность перейдем.

И над Тяткиной могилой
Ты начертишь: пел и жил.
Кто родил Эммануила
Тот не умер, но почил.

3.

Я родился в вертепе,
В овчем, теплом хлеву,
Помню синие степи
И ягнячью молву.

По отцу - древоделу
Я грущу по сейчас. —
Часто в горенке белой
Посещал кто-то нас. —

Гость крылатый, безвестный,
Непостижный уму, —
Здравствуй, тятенька крестный,
Лепетал я ему.

Гасли годы, всё реже
Чаровала волшба,
Под лесной гул и скрежет
Сиротела изба.

Стали цепче тревоги,
Нестерпимее страх,
Дьявол злой, тонконогий
Объявился в лесах.

Он списал на холстину
Ель, кремли облаков;
И познал я кончину
Громных отрочьих снов.

Лес, как призрак, заплывал,
Умер агничий закат,
И увел меня дьявол
В смрадный, каменный ад.

Там газеты-блудницы,
Души книг, души струн...
Где ты, гость светлолицый,
Крестный мой — Гамаюн?

Взвыли грешные тени:
Он бумажный, он наш...
Но прозрел я ступени
В Божий певчий шалаш.

Вновь молюсь я, как ране,
Тишине избыной,
И к шестку и к лахани
Припадаю щекой:

О, простите, примите
В рай запечный меня!
Вяжут алые нити
Зори — дочери огня.

Древодельные стружки
Точат ладонный сок,
И мурлычит в хлевушке
Гамаюнов рожок.

4.

В дни по вознесении Христа
 Пусто в горнице, прохладно, звонко,
 И как гробная, прощальная иконка,
 Так мои зацелованы уста.

По восхищении Христа
 Некому смять складок ризы.
 За окном, от утренника сизы,
 Обнялися два нагих куста.

Виноградный Спас прости, прости.
 Совеков, как смерть, не выпить горсткой.
 Кто косматой, пятернею жесткой
 Остановит душу на пути?

Мы тебе лишь алчем вознести
 Жар очей, сосцов и губ купинных.
 В ландышевых горницах пустынных
 Хоть кровинку-б-цветик обрести.

Обойти все горницы России
С Соловков на дремлющий Памир,
И познать, что оспенный трактир
Для Христов усладнее Софии.

Что, как куца, веред-стол уютен,
Гнойный чайник, человечесий лай,
И в церквах обугленный Распутин
Продает сусальный, тусклый рай.

5.

Неугасимое пламя,
Неусыпающий червь...
В адском, погибельном храме
Вьется из грешников вервь.

В совокупленьи геенском
Корчится с отроком бес...
Гласом рыдающе женским
Кличет обугленный лес:

Милый, приди. О, приди же.
И, словно пасечный мед,
Пес огнедышащий лижет
Семени жгучий налет.

Страсть многохоботным удом
Множит пылающих чад,
Мужа зовет Изумрудом,
Женщину — Черный Агат.

Сплав Изумруда с Агатом —
Я не в аду, не в раю, —
Жду солнцеликого брата
Вызволить душу мою:

Милый, явьсь, я — супруга,
Ты же — сладчайший жених.
С Севера, — с ясного ль Юга
Ждать поцелуев Твоих?

Чрево мне выжгла геенна,
Бесы гнездятся в костях.
Птицей — волной белопенной
Рею я в диких стихах.

Гибнут под бурей крылатой
Ад и страстей корабли...
Выведи, Боже распятый,
Из преисподней земли.

6.

Мои уста — горячая пустыня,
Гортань — русло, где камни и песок,
Сгораю я о Златоризном Сыне.
Чьи кудри — запад, очи же — восток...

О, сыне мой, возлюбленное чадо,
Не я ль Тебя в вертеле породил...
Твои стопы пьянее винограда,
Веянье риз свежительней кропил.

Испечены пять хлебов благодатных,
Пять тысяч уст в пылающей алябче,
Кошница дев, и сонм героев ратных
В моих зрачках томятся по Тебе.

Убелены мое жилие и ложе,
Раздроблен агнец, целостно вино,
Не на щеколде дверь... О, стукни, Сыне Божий,
Зиждительным перстом в Разумное окно.

Я солнечно брадат, розовоух и нежен,
Моя ладонь — тимпан, сосцы сладимей сот,
Будь в ласках, как жена, в лобзании безбрежен,
Раздвини ложесна, войди в меня, как плод.

Я вновь Тебя зачну, и муки роженицы,
Грызь жил, последа жар стена перетерплю...
Как сердцевину червь, и как телков веприцы,
Тебя, мое дитя, супруг и Бог—люблю.

7.

Господи, опять звонят,
Вколачивают гвозди голгофские,
И Тобою попраный починают ад
Сытые кутейные московские!

О, душа, невидимкой прикинься,
Притаись в ожирелых свечах,
И увидишь, как Распутин на антиминсе
Пляшет в жгучих, похотливых сапогах.

Как в потире купаются бесенята,
Надвратный голубь вороном стал,
Чтобы выклевать у Тебя, Распятый,
Сон ресниц и сердце-опал.

Как же бежать из преисподней,
Где стены из костей и своды из черепов?
Ведь в белых яблонях без попов
Совершается обряд Господний.

Ведь пичужка с глазком васильковым
Выше библий, тиар и порфир...
Ждут пришельца в венце терновом
Ад заводский и гиблый трактир.

Он же, батюшка, в покойчике сосновом,
У горбатой Домны в гостях,
Всю деревню радует словом
О грядущих золотых мирах.

И деревня — Красная ляга
Захмелела под звон берез...
Знать и смертная распита баклага
За Тебя, буревестный Христос.

8.

Войти в Твои раны — в живую купель,
И там убелиться, как вербный Апрель,
В сердечном саду винограда вкусить,
Поюще кровью уста опалить.
Распяться на древе — с Тобою, в Тебе,
И жил тростники уподобить трубе,
Взыграть на суставах: Или - Элои.
И семенем брызнуть в утробу Земли:
Зачни, благодатная, пламенный плод, —
Стокрылое племя, громовый народ,
Сладчайшее Чадо в моря спеленая,
На очапе радуги зыбку качай!
Я в пупе Христовом, в пробитом ребре,
Сгораю о Сыне — крылатом царе,
В пяте Иисусовой ложе стелю,
Гвоздиною кровью Орленка кормлю:
Пожри меня, Чадо, до ада проклятой,
Геенское пламя крылами задуй,
И выведи Разум и Деву Любовь

Из чревных глубин на зеленую новь!
О, Сын мой, краснейшая гроздь и супруг,
Конь — тело мое не ослабит подпруг.
Воссядь на него, натяни удила,
И шпорами нудь, как когтями орла,
Об адские камни копыта сломай,
До верного шляха в сияющий рай!

Уплыть в Твои раны, как в омут речной,
Насытиться тайною, глубию живой,
Достать жемчугов, золотого песка,
Стать торжником светлым, чья щедра рука.
Купите, о, други, поддонный товар
Жемчужину — солнцу, песчинку — пожар!
Мой стих — зазыватель в Христовы ряды
Охрип под туманами зла и беды,
Но пуст мой прилавок, лишь Дева-Любовь
Купила повязку — терновую кровь.
Придачей покупке, на вес не дробя,
Улыбчивой гостье я отдал себя.

ПОДДОННЫЙ ПСАЛОМ.

Что напишу и что реку, о Господи!
Как лист осиновый все писания,
Все книги и начертания:
Нет слова неприточного,
По звуку неложного, непорочного;
Тяжелы душе писанья видимые,
И железо живет в буквах библий!

О, душа моя — чудище поддонное,
Стоглавое, многохвостое, тысячепудовое,
Прозри и виждь: свет брезжит!
Раскрылась лилия, что шире неба,
И колесница Зари Прощения
Гремит по камням небесным!
О, ясли рождества моего,
Теплая зыбка младенчества,
Ясная келья отрочества,
Дуб, юность мою осеняющий,
Дом крепкий, пространный и убранный,

А в глазах человеческий разум;
Тишиною впоенные овцы
Шелковистее ветра лесного;
Сыты кони овсяной молитвой
И подкованы веры железом;
Ель Покоя жилье осеняет,
А в ветвях ее Сирии гнездится:
Учит тайнам глубинным хозяйку,—
Как взвесить нежных красок опару;
Дрожжи звуков всевышних не сквасить,
Чтобы выпечь животные хлебы,
Пищу жизни, вселенское брашно...

Побывал я под чудною слью
И отведал животного хлеба,
Видел горницу с полкой божничной,
Где лежат два ключа золотые:
Первый ключ от Могущества Двери,
А другой от Ворот Воскрешенья...
Боже, сколько алчущих скрипа петель,
Взмаха створов дверных и воротных,
Миллионы веков у порога,
Как туманов полки над поморьем,
Как за полночью лед ледовитый!...

Есть моря черноводнее вара,
Липче смол и трескового клея,
И недвижней стопы Саваофа:
От земли, словно искра из горна,

Как с болот цвет тросты пуховойной,
Возлетает душевное тело,
Чтоб низринуться в черные воды—
В те моря без течения и ряби;
Бьется тело воздушное в черни,
Словно в ивовой верше лососка;
По борьбе же и смертном биении
От души лоскутами спадает.
Дух же—светлую рыбу чешуйку,
Паутинку луча золотого—
Держит вар безмаячного моря:
Под пятой невесомой не гнется
И блуждает он, сушей болея...
Но едва материк долгожданный,
Как слеза за ресницей, забрезжит,
Дух становится сохлым скелетом,
Хрупче мела, трухлявее трута,
С серым коршуном-страхом в глазницах,
Смерть вторую неожиданно вкушая.

Боже, сколько умерших миров,
Безымянных вселенских гробов!
Аз Бог Ведаю Глагол Добра—
Пять знаков чище серебра;
За ними вслед: Есть Жизнь Земли—
Три буквы—с золотом корабли,
И напоследки знак Оита—
Змея без жала и хвоста...
О, Боже сладостный, ужель я в малый миг

Бельте, девушки, холстины,
Печь топите для ковриг:
Легче отблеска лучины,
К нам слетит Архистратиг.

Пир мужицкий свят и мирен
В хлебном Спасовом раю,
Запоет на ели Сирии:
Баю-баюшки баю.

От звезды до малой рыбки
Всё возжаждет ярых крыл,
И на скрип вселенской зыбки
Выйдут деды из могил.

Станет радуга лампадой,
Море—складнем золотым,
Горн потухнувшего ада—
Полям ораным мирским.

По тому ли хлеборобью
Мы, как изморозь весной,
Канем в Спасово поморье
Пестрядиною волной.

КРАСНЫЙ РЫК

ПЕСНЬ СОЛНЦЕНОСЦА.

Три огненных дуба на пупе земном,
От них мы три жолудя-солица возьмем:

Лазоревым — облачный хворост спалим,
Павлиньим — грядущего даль озарим,

А красное солнце — миллионами рук
Подыдем над Миром печали и мук.

Пылающий кит взбороздит океан,
Звонарь преисподний ударит в Монблан,

То колокол наш — непомерный язык,
Из рек бичеву свил Архангелов лик.

На каменный зык отзовутся Миры,
И демоны выйдут из адской норы,

В потир отольются металлов пласты,
Чтоб солнца вкусили народы-Христы.

О, демоны-братья, отпейте и вы
Громовых сердец, поцелуйной молвы!

Мы, рать солнценосцев, на пуле земном
Воздвигнем столбашенный, пламенный дом;

Китай и Европа, и Север, и Юг
Сойдутся в чертог хороводом подруг;

Чтоб бездну с Зенитом в одно сочетать:
Им Бог — восприемник, Россия же — мать.

Из пула вселенной три дуба растут:
Премудрость, Любовь и волхвующий Труд...

О, молот-ведун, чудотворец-верстак,
Вам ладон стиха, в сердце сорванный мак;

В ваш яростный ум, в многострунный язык,
Я пчелкою-рифмой, как в улей, проник,

Дышу восковиной, медью цветов,
Сжигающих Индий и Волжских лугов!...

Верстак — Назарет, наковальня — Немврод,
Их слил в песнозвучье родимый народ:

„Вставай, подымайся“ и „Зелен мой сад“ —
В кровавом окопе и в поле звучат...

„Вставай, подымайся“ — старуха поет,
В потемках телега и петли ворот;

За ставней береза и ветер в трубе
Гадают о вещи народной судьбе...

Три жолудя-солнца достались нам —
Засевный подарок взалкавшим полям:

Свобода и Равенство, Братства венец —
Живительный выгон для ярых сердец;

Тучнейте, отары голодных умов,
Прозрений телицы и кони стихов!

В лесах диких грив, звездных рун и вымяи
Крылатые боги раскинут свой стан,

По струнным лугам потечет молоко,
И певчей калиткою стукнет Садко:

„Пустите Баяна — Рублёвскую Русь,
Я Тайной умоюсь, а Песней утрюсь,

Почестному пиру отвешу поклон,
Румянее яблонь и краше икон“:

„Здравствуешь, Волюшка-мать,
Божьей Земли благодать,

Белая Меря, Сибирь,
Ладоги хлябкая ширь.

Здравствуйте, Волхов-гусяр,
Степи Великих Бухар,
Синий Моздокский туман,
Волга и Стенькин курган!

Чай стосковались по мне,
Красной, поддонной весне,
Думали — злой водяник
Выщербил песенный лик?

Я же — в избе и в хлеву
Ткал золотую молву;
Сирии мне вести носил
С плах и бескрестных могил.

Рушайте ж лебедь-судьбу,
В звон осластите губу,
Киева сполох-уста
Пусть воссияют, где Мста.

Чмок городов и племен
В лике моем воплощен,
Я — песноводный жених,
Русский, яровчатый стих!*

КРАСНАЯ ПЕСНЯ.

Распахнитесь, орлиные крылья,
Бей, набат, и гремите, грома, —
Оборвались цепи насилья
И разрушена жизни тюрьма!
Широки черноморские степи,
Буйна Волга, Урал златоруд, —
Сгиль, кровавая плаха и цепи,
Каземат и неправедный суд!

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Пролетела над Русью жар-птица,
Ярый гнев зажигая в груди...
Богородица наша Землица, —
Вольный хлеб мужику уроди!
Сбылись думы и давние слухи, —

Пробудился народ-Святогор;
Будет мед на домашней краюхе,
И на скатерти ярк узор.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Хлеб да соль, Костромич и Волынец,
Олончанин, Москвич, Сибиряк!
Наша Волюшка—Божий гостинец —
Человечеству светлый маяк!
От Байкала до теплого Крыма
Расплеснется ржаной океан...
Ослепительней риз серафима
Заревой Святогоров кафтан.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Ставьте ж свечи мужицкому Спасу!
Знатье—брат и Наука—сестра, —
Лик пшеничный, с брадой солнцевласой, —
Воплощенье любви и добра!
Оку Спасову сумрак несносен,
Ненавистен телец золотой;

Китеж-град, ладон Саровских сосен —
Вот наш рай вожделенный, родной.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

Верьте ж, братья, за черным ненастьем
Блещет солнце—Господне окно;
Чашу с кровью—всемирным причастьем
Нам испить до конца суждено.

За Землю, за Волю, за Хлеб трудовой
Идем мы на битву с врагами, —
Довольно им властвовать нами!
На бой, на бой!

ФЕВРАЛЬ.

Двенадцать месяцев в году,
Посланец бурь—Февраль;
Он полуночную звезду
Перековал на сталь.

И сталь поет ясна, остра,
Как половодный лед.
Не самоцветов ли гора
Из сумрака встает?

То огнепальное чело,
Очей грозовый пыл
Того, кто адское жерло
Слезною угасил.

Чей крестный пот и серый кус
Лучистой купины.
Он воскрешенный. Иисус,
Народ родной страны.

Трепещет ад гвоздиных ран,
Тернового чела...
В глухой степи, где синь-туман,
Пылают купола.

То кровью выкупленный край,
Земли и Воли град.
Многоплеменный каравай
Поделят с братом брат:

Литва—с кряжистым Пермьяком,
С Карелою—Туркмен;
Не сломят штык, чугунный гром
Ржаного Града стен.

Не осквернят палящий лик
Свободы буревой...
Красноголосый вечевик,
Ликуй, народ родной!

Алмазный плуг подымет ярь
Волхвующих борозд.
Овин—пшеничный государь
В венце из хлебных звезд.

Его сермяжный манифест—
Предвечности строка...
Кто пал, неся кровавый крест,
Земля тому легка.

Тому овинная свеча,
Как Спасу, зажжена...
Моря мирского калача
Без берега и дна.

В них погибают корабли:
Неволя, Лихо, сглаз, —
То Царь Морской — Душа Земли —
Свершает брачный пляс.

Солнце Осьмнадцатого года,
Не забудь наши песни, дерзновенные кудри!
Славяно-персидская природа
Врастила злаки и розы в тундре.

Солнце Пламенеющего лета,
Не забудь наши раны и угли-кровинки,
Как старого мира скрипучая карета
Увязла по дышло в могильном суглинке!

Солнце Ослепительного века,
Не забудь Праздника великой коммуны!...
В чертоге, и в хижине дровосека
Поют огнеперые Гамаюны.

О шапке Мономаха, о царьградских бармах
Их песня? О, солнце,—скажи!...
В багряном заводе и в красных казармах,
Роятся созвучья—стрижи.

Словить бы звенящих в построчные сети,
Бураны из крыльев запретить в корабли...
Мы — кормчие мира, мы — боги и дети,
В пурпурный Октябрь повернули рули.

Плывем в огнецвет, где багрец и рябина,
Чтоб ран глубину с океанами слить; —
Суровая пряжа — бессмертных судьбина
Вручает лишь солнцу горящую нить.

ПУЛЕМЕТ.

Пулемет... Окончание—мед...
Видно сладостен он для охочих
Пробуравить свинцом народ—
Непомерные, звёздные очи.

Ранить Глубь, на божнице вербу,
Белый сон купальских берёзок.
Погляди за суслонов гурьбу:
Сколько в поле крылатых повозок.

То летучий Христов Лазарет
Совершает Земли врачеванье,
И, как няня, небесный кларнет
Напевает седое сказанье:

„Утолятся твои вереда,
Раны, пролежни, злые отёки;
Неневестная, будь же тверда
До гремящей звезды на востоке!

Под Лучом заскулит пулемёт,
Сбросит когти и кожу стальную*...
Не спроста буреломный народ
Уповает на песню родную.

ТОВАРИЩ.

Революцию и Матерь света
В песнях возвеличим,
И семирогие кометы
На пир бессмертия закличем.

Ура, Осанна, — два ветра-брата
В плащах багряных трубят, поют...
Завод железный, степная хата
Из ураганов знамена ткут.

Убийца красный — святей потира,
Убить — воскреснуть, и пасть — ожить...
Браду морскую, волосья мира
Коммуна-пряжа спрядает в нить.

Из нитей невод сплетет Отвага,
В нем затрепещут стада веков.
На горной выси, в глуши оврага,
Цветет шиповник пурпурных слов.

Товарищ ярый, мой брат орлиный,
Вперяйся в пламя и пламя пей!..
Потемки шахты, дымок овинный
Отлились в перстень яснее дней!

А ночи — вставки, в их гранях глуби
Стихов бурунных, лавинных строк..
Мы ало гибнем, прибойно любим,
Как злая клятва — любви зарок.

Как воск алтарный — мозоль на пятке,
На ярой шее — веревки след,
Пусть в Пошехоньи чадят лампадки,
Пред ликом Мести — лучи комет.

И лик стожарный нам кровно-ясен,
В нем сны заводов, раздумье нив...
Товарищ верный, орел прекрасен,
Но ты, как буря, как жизнь, красив!

* * *

Из подвалов, из темных углов,
От машин и печей огнеглазых
Мы восстали могучей громов,
Чтоб увидеть всё небо в алмазах,
Уловить серафимов хвалы,
Причаститься из Спасовой чаши!
Наши юноши — в тучах орлы,
Звезд задумчивей девушки наши.

Город-дьявол копытами бил,
Устрашая нас каменным зевом.
У страдальческих теплых могил
Обручились мы с пламенным гневом.
Гнев повел нас на тюрьмы, дворцы,
Где на правду оковы ковались...
Не забыть, как с детьми отцы
И с невестою милой прощались...

Мостовые расскажут о нас,
Камни знают кровавые были...

В золотой, победительный час
Мы сраженных орлов схоронили.
Поле Марсово — красный курган,
Храм победы и крови невинной...
На державу лазоревых стран
Мы помазаны кровью орлиной.

КОММУНА.

Боже, Свободу храни,—
Красного Государя Коммуны,
Дай ему долгие дни
И в венец лучезарные луны!

Дай ему скипетр—зарю,
Молнию—меч правосудный!..
Мы Огневому Царю
Выстроим терем пречудный:

Разум положим в углы,
Окна—чистейшая совесть...
Братские груди-котлы
Выварят звездную повесть.

Повесть потомки прочтут,—
Строк преисподние глуби...
Ярый, строительный труд
Только отважный полюбит.

Боже, Коммуну храни —
Красного мира подругу!
Наши набатные дни —
Гуси, летящие к югу.

Там голубой океан,
Дали и теплые мели...
Ала Россия от ран,
От огневодной купели.

Сладко креститься в огне,
Искры в знамена свивая,
Пасть и очнуться на дне
Невозмутимого рая.

ИЗ „КРАСНОЙ ГАЗЕТЫ“.

1.

Пусть черен дым кровавых мятежей
И рыщет Оторопь во мраке, —
Уж отточены миллионы ножей
На вас, гробовые вурдалаки!

Вы изгрызли душу народа,
Загадили светлый Божий сад,
Не будет ни ладьи, ни парохода
Для отплытья вашего в гнойный ад.

Керенками вымощенный проселок —
Ваш лукавый искаротский путь;
Христос отдохнет от терновых иголок,
И легко вздохнет народная грудь.

Сгинут кровосмесители, проститутки,
Церковные кружки и барский шик,

Будут ангелы срывать незабудки
С луговин, где был лагерь пик.

Бедуинам и желтым Корейцам
Не будет запретным наш храм...
Слава мученикам и красноармейцам,
И сермяжным советским властям!

Русские юноши, девушки, отзовитесь:
Вспомните Разина и Перовскую Софию!
В львиную красную веру креститесь,
В гибели славьте невесту-Россию!

2.

Жильцы гробов, проснитесь! Близок
Страшный Суд!

И Ангел-истребитель стоит у порога!
Ваши черные белогвардейцы умрут
За оплевание Красного Бога.

За то, что гвоздинные раны России
Они посыпают толченым стеклом.
Шипят по соборам кутейные змии,
Молясь шопотком за романовский дом.

За то, чтобы снова чумазый Распутин
Плясал на иконах и в чашу плевал...
С кофейником стол, как перина, уютен
Для граждан, продавших свободу за кал.

О, племя мокриц и болотных улиток!
О, падаль червивая в Божьем саду!
Грозой полыхает стоярусный свиток,
Пророча вам язвы и злую беду.

Хлыщи в котелках и мамыши в батистах,
С битюжьей осанкой купеческий род,
Не вам моя лира,—в напевах тернистых
Пусть славится гибель и друг-пулемет!

Хвала пулемету, несытому кровью
Битюжьей породы, батистовых туш!..
Трубят серафимы над буйною новью,
Где зреет посев струннопламенных душ.

И души цветут по родным косогорам
Малиновой кашкой, пурпурным глазком...
Боец узнается по солнечным взорам,
По алому слову с приборным стихом.

МАТРОС.

Грохочет Балтийское море,
И, пенясь в расщелинах скал,
Как лев, разъярившийся в ссоре,
Рычит набегающий вал.

Со стоном другой, подоспевший,
О каменный бьется уступ,
И лижет в камнях посиневший,
Холодный, безжизненный труп.

Недвижно лицо молодое,
Недвижен гранитный утес...
Замучен за дело святое
Безжалостно юный матрос.

Не в грозном бою с супостатом,
Не в чуждой, далекой земле,
Убит он своим же собратом,—
Казнен на родном корабле.

Погиб он в борьбе за свободу,
За правду святую и честь...
Снесите же, волны, народу, —
Отчизне последнюю весть.

Снесите родной деревушке
Посмертный, рыдающий стон,
И матери, бедной старушке,
От павшего сына — поклон!

Рыдает холодное море,
Молчит неприветная даль,
Темна, как народное горе,
Как русская злая печаль.

Плывет полумесяц багровый,
И кровью в пучине дрожит...
О, где же тот мститель суровый,
Который за кровь отомстит!

* * *

На божнице табаку осьмина,
И раскосый вылущенный Спас,
Не поет кудесница-лучина
Про мужицкий сладостный Шираз.

Древо песни бурею разбито, —
Не Триодь, а Каутский в углу.
За окном расхлябанное сито
Сеет копоть, изморозь и мглу.

Пучит печь свои печурки-бельма:
„Я ослепла, как скорбящий дед“...
Грезит парень стачкой и Палермо,
Президентом, гарком кастаньет.

Сказка — чушь, а тайна — коршун серый,
Что когтит, как перепела, ум.
Облетел цветок купальской веры
В слезный рай, в озимый древний шум!

Кто-то черный, с пастью яро-львиной,
Встал на страже полдней и ночей.
Дед, как волхв, душою пестрядиной,
Загляделся в хляби дум-морей.

Смертны волны львиного поморья,
Но в когтисто-жадной глубине
Серебрится чайкой тень Егорья
На бурунном, гибельном коне.

„Страстотерпец, вызволь цветик-маков! —
Китеж-град ужалил лютый гад*...
За пургой же Глинка и Корсаков
Запевают: „Расцветай мой сад!*...“

* * *

В избе гармоника: „накинув плащ с гитарой“...

А ставень дедовский провидяще грустит:
Где Сириин — красненький гость, Вольга с Мемел-
фой старой,
Божниц рублёвский сон, и бархат ал и рыт?

„Откуля, доброхот?“ — „С Владимира - Залеска“...

„Сгорим, о, братия, телес не посраим!“...
Махорочная гарь, из ситца занавеска,
И оспа полуслов: „валета скозырим“.

Под матицей резной (искусством позабытым)

Валеты с дамами танцуют „валц-плезир“,
А Сириин на шестке сидит с крылом подбитым,
Щепля сусальный пух, и сетуя на мир.

Кропилом дождевым смывается со ставней
Узорчатая быль про ярого Вольгу,
Лишь изредка в зрачках у вольницы недавней
Пропляшет царь морской и сгинет на бегу.

Уму — республика, а сердцу — Мать-Русь.
Пред пастью львиною от ней не отрекусь.
Пусть камнем стану я, корягою иль мхом, —
Моя слеза, мой вздох о Китеже родном,
О небе пестрядном, где звезды — комары,
Где с аспидом дитя играют у норы,
Где солнечная печь ковригами полна,
И киноварный рай дремливее челна...

Упокой, Господи, душу раба Твоего!..

Железный небоскреб, фабричная труба,
Твоя ль, о родина, потайная судьба!
Твои сыны-волхвы — багрянородный труд
Вертепу Господа иль Ироду несут?
Пригрезятся ли им за яростным горном
Сад белый, восковой, и златобревный дом, —
Берестянный придел, где отрок Пантелей
На пролежни земли льет муро и елей...

Изведи из темницы душу мою!..

Под красным знаменем рудеет белый дух,
И с крыльев Михаил стряхает млечный пух,
Чтоб в битве с Сатаной железноперым стать,—
Адама возродить и Еву — жизни мать,
Чтоб Дьявол стал овцой послушной и простой,
А Лихо черное — граченком за сохой,
Клевало б червяков и сладких гусениц
Под радостный раскат небесных колесниц...

Свят, свят, Господь Бог Саваоф!

Уму — республика, а сердцу — Китеж-град,
Где шука пестует янтарных окунят,
Где нянюшка-Судьба всхрапнула за чулком,
И покумился серп с пытливым васильком.
Где тайна, как полей синеющая таль...
О, тысяча девятьсот семнадцатый Февраль!—
Под вербную капель и под грачиный грай,
Ты выпек дружкин хлеб и брачный каравай,
Чтоб Русь благословить к желанному венцу...
Я запоздалый сват, мне песня не к лицу,
Но сердце — бубенец под свадебной дугой —
Глокает птичий грай и воздух золотой...

Сей день, его же сотвори Господь,
Возрадуемся и возвеселимся в онь!

РЕВОЛЮЦИЯ.

Низкая, деревенская заря, —
Лен с берестой и с воском солома.
Здесь всё стоит за Царя
Из Давидова красного дома.

Стог горбатый и лог стоят,
Повязалась рига платом:
Дескать, лют окромешный ад,
Но и он доводится братом.

Щиплет корпию нищий лесок,
В речке мокнут от ран повязки.
Где же слез полынный поток
Или горести книжные, сказки?

И Некрасов, бумажный лгун, —
Бог не чуял мужицкого стога?
Лик Царя, и двенадцать лун
Избяная таит икона.

Но луна, по прозванью Февраль,
Вознеслась с державной божницы —
И за далью взыграла сталь,
Заширяли красные птицы.

На престоле завыл выжлец:
„Горе, в отпрысках корень Давида!“
С вечевых Новгородских крылец
В Русь сошла золотая Обида.

В ручке грамота: Воля, Земля,
На груди образок Рублевский.
И, Карельскую рожь меля,
Дед учуял ладан московский.

А в хлевушке, где дух вымян,
За удоем кривая Лукерья
В явь прозрела Индийских стран
Самоцветы, парчу и перья.

О, колдуй, избяная луна! —
Уж Рублёв, в пестрядном балахонце,
Расписал, глубже смертного сна,
У лесной церквушки оконце.

От зари восковой ветерок
Льнет, как воск, к бородам дубленным: —
То гадает Сермяжный Восток
О судьбе по малиновым звонам.

* * *

Я — посвященный от народа,
На мне великая Печать,
И на чело свое природа
Мою прияла благодать.

Вот почему на речке ряби,
В ракитах ветер-Алконост
Поет о Мекке и арабе,
Прозревших лик Карельских звезд.

Все пламена в едином слиты:
Алжир, оранжевый Бомбей
В кисете дедовском защиты
До золотых, воскресных дней.

Есть в сивке доброе, словенье,
И в елях финиковый шум, —
Как гость в зырянское зимовье
Приходит пестрый Эрзерум.

Китай за чайником мурлычит,
Чикаго смотрит чугуном...
Не Ярославна рано кычет
На зоборале городском,—

То богоносный дух поэта
Над бурной родиной парит;
Она в громовый плащ одета,
Перековав луны на щит.

Левнафан, Молох с Ваалом —
Ее враги. Смертелен бой.
Но кроток луч над Валаамом,
Целуясь с Ладожской волной.

А там, где снежную Печору
Полою застит небосклон,
В окно к тресковому помору
Стучится дед — пурговый сон.

Пусть кладенечные изломы
Врагов, как молния, разят, —
Есть на Руси живые дремы —
Невозмутимый, светлый сад.

Он в вербной слезке, в думе бабьей,
В Богоявленьи наяву,
И в дудке ветра об арабе,
Прозревшем Звездную Москву.

* * *

Нила Сорского глас: „земнородные братья,
Не рубите кринов златоствольных,
Что цветут, как слёзы в древних платьях,
В нищей песни, в свечечках юдольных.

Низвергайте царства и престолы,
Вес неправый, меру и чеканку,
Не голите лишь у Иверской подола,
Просфору не чтите за баранку.

Причта есть: просфорку-потеряжку
Пес глотал, и пламенем сжигался.
Зреть красно березку и монашку —
Бель и чернь, в них Руси дух сказался.

Не к лицу железо Ярославлю, —
В нем кровинка Спасова — церквушка:
Заслужила ль песью злую травлю
На сучке круживчатом пичужка?

С Соловков, до жгучего Каира
Протянулась тропка — Божьи четки,
Проторил ее Спаситель Мира,
Старцев, дев и отроков подметки.

Русь течет к Великой Пирамиде,
В Вавилон, в сады Семирамиды;
Есть в избе, в сверчковой панихиде
Стены Плача, Жертвенник Обиды.

О, познайте, братия и други,
Божьих ризниц куколи и митры —
Окунутся солнце, радуг дуги,
В ваши книги, в струны и палитры.

Покумится Каргополь с Бомбеем,
Пустозерск зардеет виноградно,
И над злым похитчиком-Кашеем
Ворон-смерть прокаркает злорадно*.

* * *

Меня Распутиным назвали,
В стихе расстригой, без вины,
За то, что я из хвойной дали
Моей бревенчатой страны,

Что души печи и телеги
В моих колдующих зрачках,
И ледовитый плеск Онеги
В самосожженческих стихах.

Что васильковая поддевка,
Меж коленкоровых мимоз,
Я пугачевскою веревкой
Перевязал искусства воз.

Картавит дружба: „святотатец“.
Приятство: „хам и конокрад“.
Но мастера небесных матиц
Воздвигли вещему Царьград.

В тысячестолпную Софию
Стекутся зверь и человек.
Я Алконостную Россию
Запратал в дедовский сусек.

У Алконоста перья — строчки,
Пушинки — звездные слова;
Умрут Кольцовы - одиночки,
Но не лесов и рек молва.

Потомок бога Китовраса,
Сермяжных Пудов и Вавил,
Угнал с Олимпа я Пегаса,
И в конокрады угодил.

Утихомирился Пегаске,
Узнав полеты в хомуте...
По Заонежью бродят сказки,
Что я женат на Красоте.

Что у меня в суставе — утка,
А в утке — песня-яицо...
Сплелась с кометой незабудка
В браконискусное кольцо.

За Евхаристией шаманов
Я отпил крови и огня,
И не оберточный Романов,
А вечность жалует меня.

Увы, для паюсных умишек
Невятен Огненный Талмуд,
Что миллионы чарых Гришек
За мной в поэзию идут.

* * *

Владимиру Кириллову.

1.

Мы — ржанные, толоконные,
Пестрядиные, запечные,
Вы — чугунные, бетонные,
Электрические, млечные.

Мы — огонь, вода и пажити,
Озимь, солища пеклеванные,
Вы же таин не расскажете
Про сады благоуханные.

Ваши песни — стоны молота,
В них созвучья — шлак и олово; —
Жизни дерево надколото,
Не плоды на нем, а головы.

У подножья кости бранные,
Череп с кромешным хохотом;
Где же крылья ураганные,
Поединок с мечным грохотом?

На святыни пролетарские,
Гнезда вить, слетелись филины;
Орды книжные, татарские,
Шестернею не осилены.

Кнут и кивер аракчеевский,
Как в былом, на троне буквенном.
Сон Кольцовский, терем Меевский
Утонули в море клюквенном.

Ваша кровь водой разбавлена
Из источника бумажного,
И змея не обезглавлена
Песней витязя отважного.

Мы — ржаные, толоконные,
Знаем Слово алатырное,
Чтобы крылья громобойные
Вас умчали во всемирное.

Там изба свирельным шоломом
Множит отзвуки павлинские...
Не глухим, бездушным оловом
Мир связать в снопы овинные.

Воск, с медью яблоновою,—
Адамант в словостроении,
И цвести над Русью новою
Будут гречневые гении.

2.

Твое прозвище — русский город,
Азбучно славянский святой,
Почему же мозольный молот
Откликается в песне простой?

Или муза — котельный мастер,
С махорочной гарью губ...
Заплутает железный Гастев,
Охотясь на лунный клуб.

Приведет его тропка к избушке
На куриной, заклятой пята; —
Претят бунчуки и пушки
Великому сфинксу — красоте.

Поэзия, друг, не окурок,
Не Марат, разыгранный по наслышке.
Караван осетинских бурок
Не согрет муз в твоей книжке.

Там огонь подменен фальцовкой,
И созвучья — фабричным гудком,
По проселкам строчек с веревкой
Кружится смерть за певцом.

Убегай же, Кириллов, в Кириллов,
К Кириллу — азбучному святому,
Подслушать малиновок переливы,
Припасть к неоплаканному, родному.

И когда апрельской геранью
Расцветут твои глаза и блуза,
Под оконцем стукнет к заранью
Песнокудрая девушка-муза.

Проснуться с перерезанной веной,
Подавиться черным смерчем...
Наши дни багровы изменой,
Кровяным, веселым ключем.

На оконце чахнут герани: —
У хозяйки пуля в виске...
В маргариновом океане
Плывут корабли налегке: —

Неудачна на Бога охота,
Библия дождалась пинка.
Из тверского ковша-болота
Вытекает песня-река. —

Это символ всерусской доли,
Черносошных, пламенных рек,
Где цветут кувшинки-мозоли,
И могуч осетр-человек.

Не забыть бы, что песня — Волга,
Бурлацкий, каганый сказ!
Товарищи, ждате недолго
Солицеповоротный час.

От Пудожа до Бомбея
Расплеснется злат-караван,
Приведет Алисафия Змея,
Как овцу, на озимь полян.

То-то, братцы, будет потеха —
Древний Змий и Смерть за сохой!
Океан — земная прореха
Потечет стерляжьей ухой.

Разузорьте же струги-ложки,
Сладкострунный, гусельный кус!
Заалеет герань на окошке,
И пули цветистей бус.

Только яростней солнца чайте,
Кумачневым буйством горя...
Товарищи, не убивайте,
Я — поэт!.. Серафим!.. Заря!..

РУСЬ-КИТЕЖ.

Обернулась купальским светляком,
Укрылась крестиком из хвоинок.
Больше не будет сказки за веретеном,
По-запечных, брынских тропинок.

На лежанку не сядет дед,
В валенках-кораблях заморских,
С бородищей-пристанью лет,
С Индией узорною в горстках.

В горенке Сири и Китоврас
Оставили помет, да перья.
Не обрядится в шамаханский атлас
В карусельный праздник Лукерья.

И „Орина, солдатская мать“,
С помадным ртом, в парике рыжем...
Тихий Углич, брянская гать
Заболели железной грыжей.

В Светлояр изрыгает завод
Доменную отрыжку—шлаки...
Светляком, за годиною год,
Будет теплиться Русь во мраке.

В гробе утихомирится Крупн,
И, стена, издохнет машина;
Из космических, косных скорлуп
Забрежит лицо Исполина: —

На челе прозрачный топаз —
Всемирного ума панорама,
И „в нигде“ зазвенит Китоврас,
Как муха за зимней рамой.

Заслюдеет память-стекло,
Празелень хвой купальских...
Я олонецкий Лонгфелло —
С сердцевиной кедров уральских.

РЕСПУБЛИКА.

Керженец в городском обноске,
На панельных стоптанных каблуках...
О, родина, ужели в папироске
Больше ласточек, чем в твоих полях?

Иль в бумажной, кислой манишке,
Озаренье индийской парчи?
В звонкодонных ущельях книжки
Журчат смоляные ключи.—

Это олонецкие сосны,
Пудожский яхонт-листопад.
Молотьба и луг сенокосный,
Не одетый в Малявинский плат.

Смертельны каменные обноски
На Беле-озере, где Синѳус...
Облетают ладожские березки,
Как в былом, когда пела Русь.

Когда Дон испивался шеломом,
На базаре сурьмился медведь.
Дятлом — стальным ремингтоном
Проклевана скифская медь.

И моя пестрядная рубаха,
Тюлень на Нильских песках...
В эскимосском чуме, без страха,
Запевает лагунный Бах.

На морозном стекле Менделеев
Выводит удельный вес,—
Видно нет святых и злодеев
Для индустриальных небес.

Се знамение: багряная корова,
Скотница с подойником пламенным. —
Будет кринка тяжко-свинцова,
Устойка с творогом каменным.

Прильнул к огненному вымени
Рабочий-младенец тысячеглавый.
За кровинку Ниагару выменять —
Не венец испепеляющей славы.

Не подвиг — рассекать ущелья,
Звезды-гниды раздавить ногтем,
И править смертельное новоселье
Над пропастью с кромешным дегтем.

Слава — измерить и взбить удом
В сметану на всеплеменный кус.
В персидско-тундровом зное
Дозревает сердце-арбуз. —

Это ужин янтарно-алый
Для демонов и для колибри;
От Нила до кандального Байкала
Воскреснут все, кто погибли.

Обернется солнце караваем,
Полумесяц — ножик застольный,
С избяным киноварным раем
Покумится молот мозольный.

Подарится счастье молотобойцу
Отдохнуть на узорной лавке,
Принасть к пеклеванному солнцу,
Позабытому в уличной давке.

Слетит на застреху Сирин,
Вспенит сказка баяновы кружки,
И говором московских просфирен
Разузорится пролетарский Пушкин.

Мой же говор — пламенный подойник,
Где удои — тайна и чудо;
Возжаждав, благоразумный разбойник
Не найдет вернее сосуда.

Незабудки в лязгающей слесарной,
Где восемь мозолей, рабочих часов,
И графиня в прачешной угарной,
Чтоб выстирать совесть белей облаков.

Алмазный король на свалке зло-
вонной,
В апостольском чертоге бабий ба-
зар,
На площади церковь подбитой
иконой
Уставилась в сумрак, где пляшет
пожар.

Нам пляска огня колыбельно-знакома.
Как в лязге слесарной незабудковый сон;
Мы с радужных Индий дождемся парома,
Где в звездных тюках поцелуи и звон.

Говорят, что умрет дуга,
Лубяные лебеди-санки,
Уж в стальные бьют берега
Буруны избяной лаханки.

Переплеск, как столб комаров,
Запеваает в ушах деревни;
Знать, пора крылатых китов
Родить нашей Саре древней.—

Песнолиственный дуб облетел,
Рифма стала клокочуще бурна...
Кровохарканьем Бог заболел,—
Оттого и Россия пурпурна.

Ощенилась фугасом земля,
Динамитом беременны доли...
Наши пристани ждут корабля
С красным грузом корицы и соли.

Океан — избяная лахань
Плещет в берег машинно-железный,
И заслушалась Мать-глухомань
Бунчука торжествующей бездны.

Не хочу Коммуны без лежанки,
Без хрустальной песенки углей!
В стихотворной тягостной вязанке
Думный хворост, буреломник дней.

Не свалить и в Красную Газету
Слов щелу, опилки запятых.
Ненавистен мудрому поэту
Подворотный, твякающий стих.

Лучше пунш, чиновничья гитара,
Под луной уездная тоска.
Самоцвет и пестрядь Светлояра
Взбороздила шрифтовая река.

Не поет малиновкой лучина,
И Садко не гусли в ендове.
Не в тюрбанах гости из Берлина
Приплывут по пляске и молве.

Их дары — магнит и град колбасный,
В бутербродной банке Парсифаль. —
Им навстречу, в ферязи атласной,
Выйдет Лебедь — русская печаль.

И атлас с варяжскою кольчугой
Обручится вновь, сольет уста...
За безмерною зырянской вьюгой
Купина горящего куста.

То моя заветная лежанка,
Караванный аравийский шлях, —
Не спроста нубийка и славянка
Ворожат в олонецких стихах.

Господи! Да будет воля Твоя
Лесная, фабричная, пулеметная.
Руки устали, лова
Призраки, тени болотные.

Революция не открыла Врат,
Но мы дошли до Порога Несказанного,
Видели Пламенной зрелости сад,
Отрока—агнца багряного.

На отроке угли ран,
Ключи кровавые, свирельные. —
Уста народов и стран
Припадали к ним в годы смертельные.

Вот и заветный Порог,
Простой, как у часовни над речкою,
А за ним предвечный чертог,
Серебрится заутренней свечкою.

Господи! Мы босы и наги,
На руках с неповинною кровью...
Шелестят леса из бумаги,
„Красная Газета“ мычит по-коровьи:

„Мм-у-у!“ Чернильны мои удои,
Жирна пенка — построчная короста...
По-казенному, в чинном покое,
Дервенеют кресты погоста.

Как и при Осипе патриархе
В набойчатом плату просвирня,
И скулит, в щенячьей лютый пархе,
Меднозвонном древняя кумирня.

* * *

На ущербе красные дни,
Наступают геенские серые,—
Блюдите на башнях огни,
Стражи-товарищи верные!

Слышите лающий гуд,
Это стучится в ад Григорий Новых...
В Люцифера в венце изумруд,
Как празелень роц сосновых.

Не мой ли Сосен перезвон
И радельных песен свирели
Затаили Распутинских икон
Сладкий морок, резьбу и синели?

В наговорной поддѣвке моей
Хлябь пурги и просинь Байкала.
За пляской геенских дней
Мерещится бор опалый:

В воздухе просфора и кагор,
(Приобщался Серафим Саровский)
И за лаптем дед-Святогор
Мурлычит псалом хлыстовский.

Ковыляет к деду медведь
Матер от сытной брусники...
Где ж индустриальная клеть,
Городов железные лики?—

На ущербе красные дни,
К первопутку лапти — обнова,
Не тревожит гуд шестерни
Рай медвежий и сумрак еловый.

Только где-то пчелой звенят
Новобрачных миров свирели,
И душа — запричастный плат
Вся в резьбе, жемчугах и синели.

ЛЕНИН.

1.

Есть в Ленине Керженский дух,
Игуменский окрик в декретах,
Как будто истоки разрух
Он ищет в Поморских Ответах.

Мужицкая ныне земля,
И церковь — не наймит казенный,
Народный испод шевеля
Несется глагол краснозвонный.

Нам красная молвь по уму, —
В ней пламя цветенье сафьяна;
То Черной Неволи Басму
Попрала стопа Иоанна.

Борис — златоордный мурза,
Трезвонит Иваном Великим,
А Лениным — вихрь и гроза
Причислены к Ангельским ликам.

Есть в Смольном потемки трущоб
И привкус хвои с костяникой,
Там нищий колодовый гроб
С останками Руси великой.

„Куда схоронить мертвеца*—
Толкует удалых ватага...
Поземкой пылит с Коневца,
И плещется взморье-баклага.

Спросить бы у тучки, у звезд,
У зорь, что румянят ракиты...
Зловещ и пустынен погост,
Где царские бармы зарыты.

Их ворон-судьба стережет
В глухих преисподних могилах...
О чем же тоскует народ
В напевах татарско-унылых?

2.

Братья, сегодня наша малиновая свадьба —
 Брак с Землей и с орлиной Волей!
 Костоедой обглоданы церковь и усадьба,
 Но ядрено и здорово мужицкое поле.

Не жалейте же семени для плода мирскова,
 Разнежьте ядра, и случкой китовой,
 Порадуйте бога — старого рыболова,
 Чтоб закинул он уду в кипяток нашей
 крови!

Сладко божью наживку чуют в заводях тела,
 У крестца, под сосцами, в палящей мошонке:
 Чайял ветхий, что выловит Кострому да иконки,
 Ан леса, как наяда, бурунами запела.

Принапружь, ветробрадый, судьбу-уди-
 лице! —
 Клев удачен, на уде молот-рыба и кит.
 На китовой губе гаги-песни гнездище,
 И пята мирозданья — поддонный гранит.

Братья, слышите гулы, океанские храпы!
 (Подавился Монбланом земледержец титан)
 Это выловлен мир — искрометные лапы,
 Буйно-радостный львеснок народов и стран.

Оглянитесь, не небо над нами, а грива,
Ядра львиные — солнце с луной!..
Восшумит баобабом карельская нива,
И взрастет тамарис над капустной грядой.

С Пустозерска пригонят стада бедуины,
Караванный привал узрят Кемь и Валдай,
И с железным Верхарном сказитель Рябинин
Воспоет пламенеющий Ленинский рай.

Ленин, лев, лунный лев, лучезарье:
Бува „Люди“, как сад, как очаг в декабре..
Есть чугунное в Пуде, вифанское в Марье,
Но Христово лишь в язве, в пробитом
ребре.

Есть в истории рана всех слав величавей,—
Миллионами губ зацелованный плат...
Это было в Москве в человеческой дубраве,
Где идей буреломы и слов листопад.

Это было в Москве... Недосказ и мол-
чанье—
В океанах киты, погруженные в сон.
Ленин — Красный олень, в новобрач-
ном сказаньи
Он пасется меж строк, пьет малиновый
звон.

Обожимся же братья, на яростной свадьбе
Всенародного сердца с Октябрьской грозой,
Пусть на полке Тургенев грустит об усадьбе,
Исходя потихоньку бумажной слезой.

3.

Смольный, — в кожаной куртке, с загаром на лбу,
 Юный шкипер, глядится в туманы-судьбу...
 Чу! Кричит буревестник... К Гороховой 2,
 Душегубных пучин докатилась молва.

Вот всплеснула акула, и пролежни губ
 Поглотили, как чайку, Урицкого труп.
 Браунинговый чёх всколыхнул океан, —
 Это ранен в крыло альбатрос капитан.

Кровь коралловой пеной бурлит за рулем, —
 Знак, что близится берег — лазоревый дом,
 Где столетия угли поют в очаге,
 О космической буре и черном враге

Где привратники—Радий, плечистый Магнит
Провожают пришельцев за полюсный щит;—
Там долина Титанов, и яственный стол
Водрузил меж рогов Электричество-вол.

Он мычит Ниагарой, в ноздрях Ливерпуль,
А в зрачках петроградский, хрустальный
Июль,
Рог-подпора, чтоб ветхую твердь под-
держать,
Где живет на покое Вселенская мать.

На ущербе у мамушки лунный клубок—
Довязать краснозубому внуку чулок,
Он в истории Лениным звался, никак,
Над пучиной столетий воздвигши маяк.

Багряного Льва предтечи
Слух-упырь и ворон-молва.
Есть Слово-змея по плечи,
И схимника голова.

В поддѣвке синей, пурговой,
В испепеляющих сапогах,
Пред троном плясало Слово,
На гибель и черный страх.

По свиному желтоглазо
Щурилось солнце с высоты,
И, штопая саван, Проказа
Сидела у Врат Красоты.

Царскосельские помнят липы
Окаянный хохот пурги;
Стоголовые Дарьи, Архипы,
Молились Авось и Низги.

Авось и Низги — наши боги
С отмычкой, с кривым ножом:—
И въехали гробные дроги
В мертвый Романовский дом.

По козьи рогат возница,
На запятках Предсмертный час.
Это геенская страница,
Мужицкого Слова пляс.

В Багряного Льва Ворота
Стучится пляшущий рок...
Книга „Ленин“ — жила болота,
Стихотворной Волги исток.

Октябрьские рассветки и сумерки
 С ледовитым гайтаном зари,
 Бог предзимний, пушистый Ай-кюмерки,
 Запеваает над чумом: фью-ри.

Хорошо, в теплых пимах и малице,
 Слышать мысль—горностая в силке;
 Не ужиться с веснянкой-комарницей,
 Эскимосской, пустынной тоске.

Мир—не чум, не лосиное пастбище,
 Есть Москва—золотая башка;
 Ледяное полярное кладбище
 Зацветет, голубей василька.

Лев грядет. От мамонтовых залежей
 Тянет жвачкой, молочным теплом,
 Кашалоты резвятся, и плеск моржей,
 Как тальянка помора „в ночном“.

На поморские мхи олениха-молва
Ронит шерсть и чешуйки с рогов...
Глядь, к тресковому чуму примчалась Москва,
Табунами газетных листов!—

Скрежет биржи, Словаки и пушечный
рык,
Перед сполохом красным трепещут
враги,
Но в душе осетром плещет Ленина лик
Множа строки — морские круги.

6.

Стада носорогов в глухом Заонежье,
Бизоний телок в ярославском хлеву...
Я вижу деревни, седые, медвежьи,
Где Скрябин расставил силки на молву.

Бесценна добыча: лебязьи отлёты,
Мереж осетровых звенящая рябь.
Зурна с тамбурином вселились в во-
рота,
Чтоб множились плеск и воздушная
хлябь.

Удойвы коровы, в кокосовых кринках
Живет Парсифаля молочная бель.
К Пришествию Льва василек и коринка
Осыпали цвет — луговую постель.

У пудожской печи хлопочет феллашка,
И в красном углу медноликий Будда.

Люба австралийцу московка-фураж-
ка: —
То близится Лев—голубая звезда.

В желтухе Царь-град, в огневице Калуга,
Покинули Кремль Гермоген и Филипп,
Чтоб тигровым солнцам лопарского юга
Сердца врачевать, и молебственный хрип.

К Кронштадтскому молу причалили
струи,—
То Разин бурунный с персидской кра-
сой...
Отмерили год циферблатные круги,
Как Лев обручился с родимой землей.

Сегодня крестины. Приплод солнцеглавый
У мамки-Истории спит на руках.
Спеваются горы для Ленинской славы,
И грохот обвала роняется в стихах.

7.

Пора лебединного отлета,
 Киноварно-брусничные дни,
 В краснолесьи рысья охота,
 И у лыж обнова — ремни.

В чуме гарь, сладимость морошки,
 Смоляной канатной пеньки,
 На гусяном сале лепешки,
 Из оленьей костной муки.

Сны о шхуне, песне матросов,
 Про „последний, решительный бой“,
 У пингвинных, лысых утесов
 Собирались певцы гурьбой.

Океану махали флагом,
 (По-лопарски флаг — „юйнаши“)
 Косолапым пингвинам и гагам,
 Примерещился Нил, камыши.

От Великого сфинкса к тундре
Докатилась волна лучей,
И на полюсе сосны Умбрий
Приютили красных грачей.

От Печоры слоновье стадо
Потянулось на водопой...
В очаге допели цикады,
Обернулася сказка мглой.

Дымен чум и пустынные дюны.
Только, знак брусничной поры —
На скале задремали руны:
Люди с Естью, Наш, Иже, Еры.

8.

Октябрь — месяц просини, листопада,
 Тресковой солки и рябиновых бус.
 Беломорское, Камское сердце-громада —
 Всенародная руга — малиновый кус.

Кус принесен тебе, ягелей володыка,
 Ледовитой зари краснозубый телок;
 Над тобой кашалот чертит ластами
 Ни-Ка,
 За ресницей моржи вскипятили белок.

Ты последыш медвежий, росток кито-
 бойца,
 (Есть в сутулости плеч недолет гарпуна,
 За жилетной морщинкой просветы оконца,
 Где стада оленят сторожит Глубина).

Ленин — тундровой Руси горячая пе-
 чень,
 Золотые молоки, жестокий крестец,

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

Я построил воздушный корабль,
 Где на парусе Огненный лик.
 Слышу гомон отлетных цапель ¹⁾,
 Лебединый, хрустальный крик.

По-кошачьи белый медведь,
 Слюня лапу, моет скулу...
 Стихотворная трубная медь
 Оглашает журнальную мглу.

Я под Смольным стихами трубил,
 Но рубиново-красный солдат
 Белой нежности чайку убил
 Пулеметно-суровым „назад“.

Половецкий привратный костер,
 Как в степи, озарял часовых.

---

¹⁾ Моя вольность.

Здесь презрен ягелевый узор,
Глубь строки, и капель запятых.

С книжной выручки Бедный Демьян
Подавился кумачным хи-хи...
Уплывает в родимый туман
Мой корабль — буревые стихи.

Только с паруса Ленина лик
С укоризной на Смольный глядит,
Где брошюрное море на миг
Потревожил поэзии кит.

ПОСОЛ ОТ МЕДВЕДЯ.

Я — посол от медведя
К пурпурно-горящему Льву;—
Малиновой, китежской медью
Скупаю родную молву.

Китеж, Тайна, Финифтяный рай,
И меж них ураганное слово:—
Ленин — кедрово-таежный рай,
Где и солнце, как воин, сурово.

Это слово кровями купить,
Чтоб оно обернулось павлином...
Я — посол от медведя, он хочет любить
Стать со Львом песнозвучьем единым.

МЕДНЫЙ КИТ.

Объявится Арахлин-град,
Украшенный ясписом и сардисом,
Станет подорожник кипарисом,
И кукуший лен обернется в сад.

Братья, это наша крестьянская, красная
культура,
Где звукоангелы сопостники людских
пабедок и просонок!
Карнаухий кот мудрей, чем Лемура,
И мозг Эдиссона унавозил в веках
поросенок

Бодожёк Каргапольского Бегуна —
коромысло весов вселенной,
И бабкино веретено сучит бороду самого
Бога: —
Кто беременен соломой, — родит сено,
Чтоб не пустовали ясли Мира — Вели-
кого Единорога. —

Чтобы мерна была жвачка Гималайно-
зубых полушарий,
(Она живет в очапе и в ткацком донце).

Много на Руси уездных татарий
От тоски, что нельзя опохмелиться
солнцем.

Что луну не запечь, как палтосу, в тесто,
И Тихий океан не влить в самовар.—
Не величайте революцию невестой,
Она только сваха, принесшая дар—

В кумачном платочке яичко и свечка,
(Газеты пищат, что грядет Пролеткульт).
Изба — Карфаген, арсеналы же — печка,
По зорким печуркам не счесть катапульта.

Спешите, враги — легионы чернильниц,
Горбатых вопросов, поджарых тире,
Развеяться прахом у пахотных крылец,
Где Радужный Всадник и конь в серебре!

Где тропка лапотная — план мирозданья,
Зарубки ступеней — укрепления земли,
Там в бухтах сосновых от бурь и скитанья
Укрылись родной красоты корабли.

Вон песни баркас — пламенеющий парус,
Ладья поговорок, расшива былин...
Увы! Оборвался Дивеевский гарус,
Увял Серафима Саровского крин.

На дух муроварниц не выйдет Топтыгин,
Не выловит чайка леща на уху...
Я верю вам, братья Есенин, Чапыгин,—
Трущобным рассказам и ветру-стиху:

Инония-град, Белый скит, — не Почаев,
Они — наши уды, Почаев же — трость.
Вписать в житие Аввакумов, Мамаев,
Чтоб Бог не забыл черносхошную кость.

И вспомнил Вселяющий, сиял семь
печатей
С громовых страниц, с ураганных миней,
И Спас Ярославский на солнечном плато
Развевал браду смертоноснее змей: —

Скуратовы очи, татарские скулы,
Путина к Царьграду — лукавый пробор...
О, горе! В потире ныряют акулы,
Тела пожирая и жертвенный сор.

Вспетая Матерь сбежала с иконы,
Чтоб вьюгой на Марсовом поле рыдать,
И с Псковскою Ольгой, за желтые боны,
Усатым мадьярам себя продавать.

О, горе! Микола и светлый Егорий
С поличным попались: отмычка и нож...
Смердят облака, прокаженные зори
На Божьей косице стоногая вошь.

И вошь — наша гибель. Завшивели солнце,
И яростно чешет затылок луна. —
Рубите ж Судьбину на баню с оконцем,
За ним присносущных небес глубина!

Глядите в глубинность, там рощи —
смарагды,
Из ясписа даль, избянные коньки, —

СОДЕРЖАНИЕ.

СЕРДЦЕ ЕДИНОРОГА.

	Стр.
Избяные песни	5
„Умерла мама“—два шелестных слова...	9
Шесток для кота, что амбар для попа...	11
Хорошо в вечеру, при лампадке...	14
Заблудилось солнышко в корбах темнохвойных...	16
От сугемок до звезд, и от звезд до зари...	18
Бродит темень по избе...	20
Зима изгрызла бок у стога...	22
В селе Красный Волон пригожий народ...	24
Коврига свежа и духмяна...	26
Вешние капли, солнопёк и хмара...	28
Ворон грает к теплу, а сорока к гостям...	30
Белая повесть...	32

ДОЛИНА ЕДИНОРОГА.

Белая Индия	39
Судьба-старуха няжет дни...	43
Так немного нужно человеку...	46
Вылез тулун из чулана...	48
Печные прибор пъянши и гулки...	50
Под древними избами, в красном углу...	52
Потные, предпахотные думы...	54
Пушистые горностаевые зимы...	56

	Стр.
О, ели, родимые ели	58
Утонувшие в океанах	60
Осенние сумерки—шуба	62
Олений гусак сладкозвучнее Глипки	64
Поэту Сергею Есенину.	
1. Оттого в глазах моих просиянь	66
2. Изба—святилище земли	69
3. Елушка-сестрица	71
4. Бумажный ад поглотит вас	74
На овинной паперти Пасха	77
Я потомок лапландского князя	79
Чтобы медведь пришел к порогу	81
Гробичек не больше рукавицы	83
Есть каменные небеса	85
Труд	87
Громовые, владычные шаги	89
Два ювоши ко мне пришли	91
Братья, это корни жизни	93
Миллионам ярых ртов	95
По Керженской игуменьи Манефе	97
Я—древо, а сердце—дупло	99
Есть горькая супесь, глухой чернозем	101
Как гроб епископа, где ладон и парча	103
Счастье бывает и у кошки	104
Шепчутся тени-слепцы	106
Будет брачная ночь, совершенные тани	108
Октябрьское солнце, косое, дырявое	110
Эта девушка умрет в родах	112
Улыбок и смехов есть тысяча тысяч	114
О, скопчество—венец, золотоголовый град	116
Всё лики в воздухе да очи	118
В зрачках или в воздухе пятна	120
Полуденный бес, как тюлень	122

	Стр.
Городские, предбольничные березы...	124
Я уж больше не подрасту...	126
„Я здесь“, ответило мне тело...	128
Звук ангелу собрат, бесплотному лучу...	131
Мужицкий лапоть свят, свят, свят!	133
Где пахнет кумачом—там бабын посиделки...	134
У развальной—поров, в телеге же—ум...	136
Плач дитяти через поле и реку...	138
Где рай финифтяный и Сириш...	140
Спас:	
1. Вышел лев из мочища	142
2. Я родня Эмануила	144
3. Я родился в вертепе	146
4. В дни по вознесении Христа	149
5. Неугасимое пламя	151
6. Мои уста—горючая пустыня	153
7. Господи, опять звонят.	155
8. Войти в Твои раны—в живую купель	157
Поддонный псалом.	159

КРАСНЫЙ РЫК.

Песнь Солнценосца	167
Красная весня	171
Февраль	174
Солнце Осьмнадцатого года	177
Пулемет.	179
Товарищ.	181
Из подвалов, из темных углов	183
Коммуна.	185
Из „Красной Газеты“:	
1. Пусть черен дым кровавых мятежей	187
2. Жильцы гробов, проснитесь! Банзок Страшный	
Суд!	189
Матрос.	191

	Стр.
На божнице табаку осьмина...	193
В избе гармоника: „накинув плащ с гитарой“...	195
Уму—республика, а сердцу—Мать-Русь...	197
Революция.	199
Я—посвященный от народа...	201
Нила Сорского глас: „земнородные братья“...	203
Меня Распутным назвали...	205
Владимиру Кириллову.	
1. Мы—ржаные, толоконные...	208
2. Твое прозвище—русский город...	210
Проснуться с перерезанной веной...	212
Русь-Китеж.	214
Республика.	216
Се знаменне: багряная корова...	218
Незабудки в лязгающей саесарной...	220
Говорят, что умрет дуга...	222
Не хочу Коммуны без лежанки...	224
Господи! Да будет воля Твоя...	226
На ущербе красные дни...	228
Ленин.	
1. Есть в Левине Керженский дух...	230
2. Братья, сегодня наша малиновая свадьба...	232
3. Смольный,—в кожаной куртке, с загаром на лбу.	234
4. Багряного Льва предтечи...	236
5. Октябрьские рассветки и сумерки.	238
6. Стада носорогов в глухом Заонежьи.	240
7. Пора лебедяного отлета.	242
8. Октябрь—месяц просини, листопада...	244
9. Воздушный корабль.	246
10. Посол от медведя.	248
Медный кит.	249